

СИБИРИАДА

ГАЛИНА
ПОНОМАРЁВА

ЩИТ
И
ВЕРА

Сибиряда

Галина Пономарёва

Щит и вера

«ВЕЧЕ»

2019

Пономарёва Г. И.

Щит и вера / Г. И. Пономарёва — «ВЕЧЕ», 2019 — (Сибиряда)

ISBN 978-5-4484-8079-9

Последователи опального раскольника Аввакума – представители дворянского рода Зыковых, – опасаясь преследования, переселяются на Русский Север, закладывая новые поселения и создавая очаги «истинной веры». Но с приходом в Архангельск императора Петра I раскольники бегут еще дальше: за Камень (Урал) осваивать неведомые сибирские земли... Автор повествует о событиях, незаслуженно обойдённых современной литературой: освоении староверами Русского Севера и Сибири, их вкладе в историческое, духовное и литературное наследие России. Продолжая временную нить, герои повестей и рассказов писателя проходят через опалённые дороги двадцатого столетия: войны, революции и репрессии 30–50-х годов.

ISBN 978-5-4484-8079-9

© Пономарёва Г. И., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Повести	5
Вероотступники. Истоки	5
Глава 1. На Москве	5
Глава 2. Ледяная пустынь	12
Глава 3. Патриаршина	25
Щит и вера	30
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Галина Ивановна Пономарёва

Щит и вера

Сборник

Повести

Вероотступники. Истоки

Глава 1. На Москве

1666 год. Государь Алексей Михайлович назначил совет Боярской думы. Более десятка представителей знатных боярских родов шумно вошли в Грановитую палату Московского Кремля. Афанасию Тихоновичу, как думному дьяку, было поручено государем подготовить Указ о защите веры русской. Афанасий с волнением ждал думского решения, хотя Собор святителей России и Православного Востока уже осудил всех не покорившихся новым обрядам и новоисправленным книгам. Теперь Дума определит меру наказания раскольникам. Бояре расселись по своим скамьям. Многие из них не поддерживали начинания Патриарха Никона. Вот боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий и дворянин Дмитрий Лопухин, в приказе коих трудился Афанасий Зыков, громко ведут споры насчёт предстоящего решения. Боярин явно не разделяет нововведений. Огромная палата со сводчатыми расписными золочёными потолками и облачённые в дорогие одежды члены государевой Думы ждут часа начала заседания. А пока идут волнительные разговоры между думскими. Вскоре организованной группой вошли окольные и думные дворяне.

– Сколь многочисленна стала Боярская дума, – размышлял Афанасий Тихонович, – а ведь ещё пару лет назад число думных бояр составляло всего семь человек, несколько думных дворян и всего четыре дьяка. Нынче возрастает значимость государева люда, заслужившего право заседать в Боярской думе. Хоть бояре и сохраняют своё превосходство, но царёвы продвиженцы – окольные да дворяне – не меньшую власть возымели.

Афанасий уже пятнадцать лет служил дьяком. Спасибо батюшке, что ещё мальцом отправил к иноземцам науки и грамоту постигать. Прилежный Афанасий овладел письмом и говором на пяти иноземных языках и ныне на них свободно изъяснялся и писал. Рвения к наукам, однако, не заслонили преданность вере своего народа. Дьяк тоже не поддерживал греческое толкование новых духовных книг. Он принимал взгляд Аввакума на сохранение подлинно русских старинных книг и письма. Сомнения мучили его, но верность государю отметала их. Афанасий Зыков понимал предрешённость церковного вопроса.

– А что, слышали ли вы, православные, что еретик Аввакум вновь возвращён государем в Москву и ждёт царёва повеления касаясь своего живота? – обратился к собравшимся боярин Дмитрий Алексеевич Долгорукий.

– Надо бы его в патриархи, а Никона – в острог, – продолжил Пётр Михайлович Салтыков, – церкви-то стоят пустыми. Не желает народ слушать службы по греческим книгам, многие влиятельные роды поддерживают Аввакума.

– Это кто же? – спросил кто-то из новоявленных дворян.

– Род Морозовых, Урусовых и ещё ряд московских родов, часть духовенства, да мало ли кто ещё. Церкви пусты на Москве стоят! Бывало ли когда такое! В самые смутные времена цер-

ковь уму-разуму учила, а нынче отворачивается от неё народ. Нельзя такого безбожия допускать! Надо вернуться к старой вере! – взволнованно продолжал князь Долгорукий.

Нетерпение собравшихся было прервано появлением государя Алексея Михайловича. Не спеша, с тёплой улыбкой на устах и со смирением в глазах вошёл он на заседание Боярской думы в золочёных одеждах, отороченных собольим мехом, в богато украшенной тафье на голове и мягких расшитых туфлях. Думные бояре и дворяне почтительным поклоном встретили государя, после чего степенно опустились на застланные коврами лавки. Воцарилась тишина, свидетельствующая о почитании и преклонении служителей Думы перед государем. Алексей Михайлович медленно опустился на царский трон, взяв в руки скипетр и державу. Афанасий Тихонович продолжал стоять перед царём согласно установленному порядку.

– Садись, садись Афанасий Тихонович, да приступай к своей работе, – обратился к дьяку Тишайший.

После сих слов Афанасий приступил к бумажному делу, взяв заранее подготовленные перо и бумагу. Место его находилось поблизости от сидения князя Долгорукого, в приказе которого он и нёс службу государеву. Трудился Афанасий исправно, поэтому всё чаще ему поручали вести дела важные, вовсе даже не связанные с приказным делом. Благодаря своему покровителю, а также образованности дьяк Афанасий Тихонович Зыков быстро продвигался по службе. Он уже был первым дьяком в своём Судебном приказе и фактически работал за судью. Вот и дела вёл важные, государственные, требующие знания государственных дел и осведомлённости в самых различных областях. Царь хоть и самодержцем писался, однако без боярского совета не мог ничего делать. Цари «всея Руси» разделяли свою власть с Боярской думой. Она утверждала вместе с царём «уставы», «уроки», новые налоги.

– Собрал я вас ныне, думные бояре, окольничие и дворяне, – с вступительным словом обратился к собравшимся Алексей Михайлович, – для того, чтобы означить Собор церковный для свершения суда над противниками веры православной. Решение это призвано укрепить и очистить русскую душу, а возможность кроется в продолжении начинаний Патриарха Никона. Знаю, крут он больно. Жалобы на него за расправы скорые засыпали весь Судебный приказ. Его лично не поддерживаем, кровушки много людской пускает, но реформы продолжить следует. Про раба Аввакума скажу, что необходимо отлучить его от матери-церкви, суровое наказание должен он понести за ропот и речи неверные, кои в народе сказывают. Собор назначаем на 13 мая 1667 года. Собрание это решит окончательно и бесповоротно судьбу противников истинно русской веры.

– Афанасий Тихонович, – вдруг прервав свою речь, обратился государь к дьяку, – пишешь ли?

– Пишу, государь, пишу! Всё слово в слово на бумагу кладу, – словно испугавшись, врасплох захваченный неожиданным вопросом, ответил Афанасий.

– У кого будет слово, думный люд? – вопрошал государь, тоном и всем своим видом подчёркивая решённость вопроса и нежелание услышать слова несогласия с царской волею.

В ответ последовал шум, который выражал поддержку государева решения.

– Ну что ж, православные, на сём закроем сегодня думское сидение, – не скрывая своего удовлетворения, завершил царь собрание Боярской думы.

– Афанасий Тихонович, – вновь обратился к дьяку государь, – за три дня управься, опираясь на решение Думы, составь Указ о защите русской веры. Думский люд может идти по своим делам.

Сказав это, государь поднялся с трона и вышел из Грановитой палаты. Думские встали и поклонами проводили Алексея Михайловича.

* * *

Бояре и прочий думный люд суетно покинули Грановитую палату. Противники Никона молчали, опустив глаза, они старались не встречаться взглядами с дворянами и окольными, которые изначально поддерживали царёво решение. Многие из них попросту боялись доносов, на что были способны желающие приблизиться к царю-батюшке. Зыков Афанасий покинул царские палаты последним.

Зайдя в писчую (комната для работы дьяков), он подошёл к своему столу, положил в шкатулку с рабочими документами бумаги с записями думского решения и заспешил домой.

Вечерело. Осенью ночь на Москву опускалась быстро. По темноте разбойные людишки частенько занимались грабежами, поэтому Афанасий старался возвращаться со службы засветло. На улицах уже угомонились торговые люди, закрылись лавки, и одинокий замешкавшийся путник стучал подбитыми каблуками по настланным деревянным тротуарам, которые были проложены на улицах Москвы для пешеходов. В некоторых окнах больших каменных и деревянных домов уже засветили свечи. Воздух пах осенним прелым листом и дождевой влагой. На западе неяркое солнце отбрасывало последние лучи, которые окрашивали низкие тучи в пурпурные оттенки.

Дом Афанасия, в котором он проживал с родителем своим Тихоном Савельевичем, женою Евдокией и двумя сынами, Фёдором и Матвеем, находился в Белом городе, между улицами Большой Дмитровкой и Петровкой. Деревянный просторный дом, как исстари принято на Руси, делился на две части: мужскую большую и женскую чуть меньше, каждая из которых имела свой вход. Однако центральным считался вход на мужской половине, второй же использовался по хозяйственной части кухаркой, конюшим и ключниками. Кроме деревянных жилых палат во владении дьяка размещались поварня и баня, выстроенные из кирпича, а также деревянный погреб и конюшня. Часть территории отвели под сад. Афанасий Тихонович поднялся на высокое крыльцо и позвонил в небольшой колокольчик, извещавший домашних о пришедших гостях или возвращении хозяина. Дверь открыла Евдокия.

– Как вы задержались ноне, Афанасий Тихонович! Мы уж и волноваться за вас стали. Однако вечерять ещё не саживались, вас дожидаячи, – не спеша и плавно говорила, словно пела, супруга, открывая дверь Афанасию, – уж до последнего солнечного лучика беседы застольные ведём. Сейчас скажу, чтобы накрывали. – В руке она держала большую свечу в серебряном подсвечнике, каждое движение её тела сопровождал приятный шелест парчового сарафана и раздувающейся при ходьбе подбитой соболем епанчи. Афанасий Тихонович спросил о домашних, о доме, не приключилось ли чего в его отсутствие. Услышав о семейном покое, он прошёл в опочивальню, чтобы переодеться к вечерней трапезе.

Семейство уже расселось в большой горнице за столом, над которым гордо возвышался пузатый, до блеска начищенный самовар. Вся небольшая семья Зыковых была в сборе.

– Что, Афанасий, приняла Дума царский Указ о чистоте веры русской? – спросил дьяка отец, Тихон Савельевич, который тоже свой век служил в дьяках у государя.

– Да, тятя, через три дни велено подать на подпись государю Указ. Царём назначен срок проведения Церковного Собора для окончательного решения судьбы непокорных Никону.

– Не по-христиански это, не по-православному. Значит, наши книги духовные в огонь, а чужеземные греческие в душу? – с возмущением и гневом бросил упрёк старик.

– Что же поделаешь, тятя! Ни один боярин не решился слова вставить супротив воли царской. Хоть и Тишайший у нас государь, но гневить его нельзя, можно и жизни лишиться. Все головы опустили и промолчали. Конец вере русской!

Между тем трапеза после молитвы, прочитанной старшим в семействе, шла своим чередом. Быстро подносились пироги и кулебяка с рыбой, ватрушки с брусникой и творогом,

крынки с варенцами, киселями и другими напитками, благо день был не скоромный. Откушав, семейство разошлось по своим опочивальням. День начинался рано с восходом солнца и завершался тоже с последним его лучом.

* * *

Афанасий, мужчина вовсе не старый, от роду ему минуло сорок лет, строен телом, высок, волос чёрен, и седина не проглядывала ещё на висках, являл собой типичный облик жителя Москвы, предки которого уже два века жили в этом городе и несли государеву службу. На бедность они никогда не жаловались, так как положенное государем жалованье обеспечивало семье сытную и покойную жизнь. Супруга Афанасия Евдокия, просватанная ему ещё в пору её юности, в семнадцать годков, превратилась за пятнадцать лет замужества в голубоглазую жёнку, чем гордился Афанасий Тихонович. Он не жалел подарков, тканей парчовых и шелков для нарядов своей жене. Каждый раз, просыпаясь на супружеском ложе, он ощущал несказанную радость и безмерное счастье оттого, что Бог дал ему в жёны Евдокию. Покой, взаимное уважение, порядок царили в доме. Все на Москве знали семейство Зыковых как степенных, православных, семью, живущую по заветам своих предков.

Не спится. Чёрные думы, словно ночь, заполнили душу Афанасия. Почему истинно православный Аввакум оказался в немилости у государя? Почему бывший соратник по кружку ревнителей благочестия, бывший друг Никон стал так близок царю, оболгав отца Аввакума? Аввакум, ревнитель старой веры, прошедший заточение и ссылку в Тобольске, а затем шесть жестоких лет в Забайкалье, приняв страдание за веру русскую, преследуется и карается? Что за несправедливость по отношению к мученику? А народ ещё больше возлюбил его за страдания, за стойкость, за веру! Умён, образован не меньше Никона, а слово пламенное молвит так, что зажигает сердца единоверцев убеждённою в истинность веры праотцев! Потому народ гудит и в церковь идти не хочет. А его, страдальца, насильно расстригли и заточили по государеву решению в «тёмную палату» Пафнутьева монастыря. Там и будет ждать окончательного решения Церковного Собора. Ох, не прав, не прав, батюшка-царь, Тишайший наш Алексей Михайлович!

Потаённые мысли долго бродили в голове Афанасия Тихоновича. Однако под утро сон сморил его.

* * *

Пролетела зима. 13 мая 1667 года собрался означенный государем Церковный Собор. К тому времени окончательно утвердилось представление о том, что Русская Православная Церковь – единственная преемница и хранительница благочестия. Московское государство являлось единственным в мире православным царством. Давно уж утвердилось, что Москва – Третий Рим. Церковный Собор своим актом окончательно закрепил назревавший раскол между приверженцами старой веры – старообрядцами – и сторонниками церковных реформ Патриарха Никона. Устранили Никона изгнанием в отдалённый монастырь, и все книжные исправления на греческий манер были одобрены. За преступления против веры полагалась смертная казнь. «Кто возложит хулу на Господа Бога – того сжечь», – говорилось в Уложении царя Алексея Михайловича. Подлежали смерти и «те, кто не даст совершить литургию или учинит мятеж в храме».

Все осужденные Собором изгонялись в тяжёлую ссылку за Камень (Урал) или того пуще – карались заточением, что грозило смертью. Главным убежищем для ревнителей древнего благочестия стали северные районы России, тогда ещё совсем безлюдные и дикие. Здесь, в

дебрях Олонецких лесов, в архангельских ледяных пустынях и обледенелых берегах Белого моря, появились первые раскольничьи скиты, устроенные выходцами из Москвы.

* * *

– Ну, Афанасий, что за эпитафия наложена на отца Аввакума? – обратился с вопросом к своему сыну Тихон Савельевич после завершения им дневной государственной службы, зайдя к нему в опочивальню.

– Тятя, будь осторожнее со своими вопросами. Прилюдно не затевай эти разговоры. Пусть домочадцы в неведении останутся, так-то оно спокойнее будет, – в свою очередь обратился с просьбой к отцу Афанасий.

– Худо, тятя, ой худо вышло всё. Пресвятого мученика нашего отца Аввакума решено сослать в Пустозёрск на Печору-реку. Велено держать его в земляной тюрьме на хлебе и воде. И быть по сему до полного раскаяния пресветлейшего Аввакума! Что же это, совсем веру православную уничтожить хотят изверги, совсем лукавому продалися! Будет, будет смута на Руси, будет! Не снесёт такой измены православный люд! Многие знатные на Москве роды последуют за Аввакумом. Ох, тятя, коли не служба царёва, я бы последовал за старцем. Однако не могу, семейству моему тогда верная погибель!

Тихон Савельевич слушал спокойно взволнованный рассказ сына, будто давно уже принял для себя решение.

– Что ж, сынок, и я последую, как и истинный православный, за пастырем нашим Аввакумом. Исчезновение моё никто не заметит – на людях редко бываю, в палатах сиднем сижу. Завершу жизнь свою рядом со святым старцем, молиться за вас всех буду и за спасение Руси нашей православной.

Афанасий предчувствовал такое решение отца. Противиться и отговаривать его не стал. На том и порешили.

– Домочадцам скажешь, что в монастырь ушёл грехи наши замаливать. Такое часто со стариками случается, – завершил разговор с сыном старик. – Прямо завтрева с утра и уйду. Кое-какая денга на пропитание у меня припасена, из одежды что-нибудь прихватю, и в путь!

Ранним утром, чуть забрезжил рассвет нового летнего дня, Тихон Савельевич, забросив небольшую котомку на плечи, поцеловав и перекрестив сына, погрузил свой нехитрый скарб на повозку, запряжённую парой лошадей. Возница, такой же старый, как и хозяин его, преданный слуга Никифор, отпустил вожжи, дав коням понять, что пора трогаться, и Тихон Савельевич отправился в дальнюю северную сторону.

За утренней трапезой Афанасий Тихонович объявил домочадцам волю своего отца, которой никто не удивился, так как на Руси считалось делом праведным, если старый человек проводил остаток своей жизни в монастырских молитвах в удалении от мирской суеты. Выбор сей почитался православными, а посему семейство Зыковых, слегка взгрустнув, приняло за старшего в семье Афанасия Тихоновича, и жизнь продолжалась своим чередом ежедневными трудами и заботами.

* * *

Неожиданно в 1673 году воеводе боярину Дмитрию Алексеевичу Долгорукому и дворянину Фёдору Полуэктовичу Нарышкину государь поручил новое государственное дело – укрепить северные границы государства Русского. Дошла до Алексея Михайловича молва, что осваивается и заселяется тот суровый край непокорными вероотступниками, число коих быстро возрастает. Сказывали, что целые городища настроили они и хозяйствуют небезуспешно. Вот и решил государь воспользоваться этим для укрепления рубежей Отечества да царскую власть и

волю принести на эти непокорные земли. В качестве дьяка с думными был направлен Тишайшим Афанасий Тихонович. Воеводе предстояло построить в Архангельске каменный город с крепостными стенами да укрепить Соловецкую крепость. Миссия эта была рассчитана на три года. Простившись с семьями в назначенный срок, снаряженная экспедиция отправилась из Москвы на Север.

Афанасий Тихонович Зыков был взволнован новым царским назначением. От батюшки за годы его отсутствия был единожды посланник – монах. Он рассказал, что Тихон Савельевич обосновал в Олонецкой стороне на реке Выг большой скит, став в нём старшим общинником. Живут в нём православные по старым заветам и по старой вере. И много подобных поселений возникает в той стороне. Афанасий был рад известию, но одновременно и боялся за батюшку: а ну как царская немилость настигнет непокорных? И вот теперь у него появилась возможность самому побывать в тех местах, хоть и тревожно было оставлять семейство своё на три долгих года.

* * *

Через неделю конного пути служивый люд достиг Архангельска. Город удивил посланников царя своей оживлённой торговлей, большим количеством иноземных кораблей, выстроившихся у причалов. В ту пору Архангельск был единственным портом в Руси. Афанасий и его спутники долго обсуждали увиденное. Особый восторг вызывали иностранные торговые парусные корабли, которые они видели впервые. Архангельский порт был известен на весь мир. Сюда из европейского заморья везли на Русь дорогие ткани, сахар, пряности, бумагу. Русские купцы, в том числе и московские, предлагали всё, что давала русская земля: хлеб, холсты, пеньку, воск, кожи и меха.

Город, несмотря на своё величие, был деревянным, со скромными постройками, существенно отличавшимися от московских. Гостиный двор, состоящий из нескольких зданий, был каменным.

Назначенный царём новый воевода подивился прозорливости государя Алексея Михайловича.

– Экий государь наш, Тишайший! Своего не упустит! Решил усилить здесь власть да дозор свой. Есть, есть в граде Архангельске чем наполнить государеву казну! – убеждался князь в правильности решения царя.

Вручив прежнему воеводе царскую грамоту, Дмитрий Долгоруков, вновь назначенный государем на должность воеводы Двинской области, приступил к исполнению царёва наказа. Афанасию Тихоновичу было велено собрать городскую управу, чтобы поправить вопрос о наполняемости местной казны. Собрание сие прошло тихо, местная знать не супротивилась царёву указу. В кратчайшие сроки при участии дворянина Фёдора Нарышкина строительные работы начались. Местного камня, годного для строительства, было достаточно, что существенно снизило напряжение архангельской казны.

На очереди встал Соловецкий монастырь. Для переговоров с монахами, державшимися старой веры, был отправлен с небольшим обозом Афанасий Тихонович Зыков. Путь предстоял недолгий, дён на двое. Афанасий взялся за исполнение наказа своего покровителя с радостью. Для него открылась прямая возможность навестить батюшку, коего не видел он уже десять лет. Сборы много времени не заняли, погода благоприятствовала путешествию, и через два дня Афанасий двинулся в путь.

Суров Север с путешественником. Снег лежал на бескрайней северной земле, перерезаемой овражками и холмами, поросших хвойными и лиственными лесами. Дорога петляла между ними, увеличивая путь не знавшему местности путнику. В дороге приходилось отстреливаться от оголодавших волков, почуявших человека и скотину. Однако резвые лошади и

хорошо вооружённые обозники без особых усилий справлялись с этой угрозой. Труднее было с ночлегом, отдыхом и едой. Афанасий Тихонович останавливался на необходимый для лошадей отдых и ночлег у пустынников-староверов. Он воочию убедился, что северные земли успешно осваивались ревнителями старой веры, прозванными в народе раскольниками. Добротные, грамотно укреплённые скиты старообрядцев, их налаженное хозяйство не раз удивляли Афанасия. Как правило, управлял таким скитом общинный староста, избранный из числа наиболее уважаемых и грамотных поселенцев. Он управлял хозяйством и вёл духовные службы. Церковные власти Патриарха Никона не обеспечивали их духовниками, потому им пришлось избирать таковых из своих рядов, оттого стали называться они беспоповцами, а близость Белого моря, развитый рыбный промысел ещё и породил второе название скитов – поморские. Скиты поморских беспоповцев поддерживали тесные отношения друг с другом. Благодаря этому Афанасию Тихоновичу без особых усилий удалось отыскать скит, которым управлял его отец Тихон Савельевич Зыков.

* * *

Долгожданная встреча с батюшкой Тихоном Савельевичем вызвала слёзы радости и волнения у отца и сына. Афанасий увидел крепкого старца, облачённого в чёрные одежды поверх тёплого тулупа, на голове был духовный клобук. Монашеский вид отца несколько смутил Афанасия. Это не ушло от внимательных глаз Тихона Савельевича.

– Ничто, Афанасий, не смущайся моего нового сана, – обратился он к сыну, – ведь духовная служба для меня теперь главная, я навроде духовного пастыря для паствы своей. Кроме обустройства жизни главным делом остаётся сохранение нашей веры православной.

После рассказа Афанасия о домашних, о женитьбе его старшего сына Фёдора Афанасьевича и рождении у него сына, Петра Фёдоровича, чему несказанно был рад отец, сели за сытно накрытый стол и отобедали. Долго за полночь беседовали отец с сыном. Много открыл для себя Афанасий. Был он несказанно удивлён деловитости и предприимчивости батюшки. Тихон Савельевич показал сыну духовные книги, отпечатанные в типографии Ивана Фёдорова на Москве, медные иконы ручнойковки, которые сохранили старинное письмо. Община не только хранила их, но и наладила обучение письму и чтению ребятишек и молодёжи. Тихон Савельевич, уважавший науки и знания, стремился внести их общинникам. Не без гордости сообщил он о торговле со скандинавами. Казалось, что новая жизнь, подчинённая сохранению истиной веры, укрепила не только его дух, но и плоть. Тело почтенного старика стало жилистым, сухим и сильным.

На следующий день экспедиция продолжила свой путь в Соловецкий монастырь.

* * *

Вот оно – студёное Северное море. Каменные глыбы лежали у воды, сказывая о суровости стороны, будто предупреждали, что слабому человеку тут не сдюжить.

Море выдыхало из своих глубин белый пар. Белёсым туманом он стоял над набегающими ледяными волнами. Путники зажгли сигнальные огни, как были научены поселенцами скитов. Эти кострища должны стать сигналом для живущих на Соловках островитян. Действительно, через пару часов к каменистому берегу подошла большая лодья с округлыми обводами для защиты от льдов. Два монаха-гребца пригласили на борт пятерых представителей государя-батюшки. Афанасий Тихонович и ещё четверо служивых воеводских людей, не без опаски поглядывая на грозные волны, погрузились в поморское судёнышко, изготовленное на плотбище – местной судоверфи. Гребцы ударили вёслами о морскую воду, до того прозрачную, что лодья словно воспарила над каменистым дном, выходя на открытую воду, и стала

удаляться от береговой линии под дружными ударами вёсел, подпрыгивая на волнах, словно упрямый поплавок. Афанасий и его спутники не ожидали увидеть каменный монастырский замок-крепость. Фактически царский указ об укреплении Соловецкой крепости был исполнен самими монахами, ревнителями старой веры. Их принял настоятель монастыря. Однако тёплым приём было назвать нельзя. Выдержав дипломатические требования приёма знатного сановника, Афанасию дали понять, что монастырь жил и впредь будет жить по своим законам, а царёвы указы для них не являются законами. Монастырь отказался подчиняться царским посланцам, показав тем свою непокорность и самостоятельность. Афанасий в письменном протоколе написал: «Живут как государство в государстве». Слышанное ли дело?! Какова дерзость староверов! Афанасий Тихонович был поражён силой духа, воздвигшего каменный монастырь-крепость у студёного лукоморья. Так ни с чем и отбыли они, царёвы посланники, отправившись в обратный путь в Архангельск.

* * *

Пребывание Афанасия Тихоновича в Архангельске было прервано известием, доставленным царским гонцом, о кончине государя Алексея Михайловича и восшествии на престол царя Фёдора Алексеевича. Воеводе Дмитрию Долгорукому было велено остаться в Архангельске при назначенной ему должности, а дворянину Нарышкину и первому дьяку Судебного приказа Зыкову было велено возвратиться на Москву. Не без сожаления покидал Афанасий северный край, с которым он сроднился за три прожитых в нём года.

За преданность царёвой службе Фёдор Алексеевич пожаловал Афанасию Тихоновичу Зыкову чин думного дворянина пожизненно с ношением одного чина роду Зыковых навсегда. Именной указ, подписанный царём Фёдором Алексеевичем, был торжественно оглашён на заседании Боярской думы и передан на вечное хранение Афанасию Тихоновичу. Событие это совпало с печальной вестью о предании смерти в Пустозёрске страдальца Аввакума.

Четырнадцать долгих лет заточения в подземелье не сломили волю непокорного Аввакума. Он, находясь в заточении, продолжал свою проповедь, рассылая грамоты и послания в разные стороны Московского царства. Множество людей, поддерживавших протопопа и следовавших за своим пастырем, помогали его деятельности. Резкое письмо к царю Фёдору Алексеевичу решило его участь. Он и его ближние товарищи по приказу царя были сожжены в срубе в Пустозёрске. Случилось это трагическое событие 24 апреля 1682 года. Может быть, и последовали бы жестокие расправы над староверами, но внезапная кончина государя Фёдора Алексеевича отодвинула их на десятки лет.

8 июня 1682 года на царство венчались впервые сразу двое царевичей: Иоанн и Пётр. Афанасий Тихонович Зыков в составе Боярской думы присутствовал на этом знаменательном событии. Земский собор издал постановление об одновременном восхождении на престол двух братьев московского царя Фёдора. Иоанну на ту пору исполнилось шестнадцать лет, а Петру – только десять.

Глава 2. Ледяная пустынь

Мученическая смерть Аввакума не только не устранила церковный раскол, а наоборот, увеличила поток переселенцев, сторонников старого благочестия, в ледяную пустынь Русского Севера. Гонимые создавали новые скиты, в которых селились вместе со своими семьями. В 1684 году на территории Олонецкого уезда братья Андрей и Семён Денисовы, а также монахи из Соловецкого монастыря заложили обитель на реке Выг. Первоначально в обители осело сорок душ. Но вскоре она стала Выгорецкой обителью – центром старообрядчества беспоповского поморского толка.

Князя Андрей Дионисиевич и Семён Дионисиевич Мышецкие, преданные Аввакуму и старой вере, уйдя в раскол, потеряли по велению государя дарованный чин и стали поморскими крестьянами. И всех тех, кто последовал за расстригой Аввакумом, постигла подобная участь. Между тем столь жёсткая мера не возымела надлежащего действия на староверов.

* * *

Смутные времена наступили в Москве с венчанием на царство двух государей: Иоанна и Петра. Регентша, царевна Софья Алексеевна, стремившаяся к единоличной власти, всячески радела о слабом здоровье царевича Иоанна и втайне замышляла козни против Петра. Многие думные бояре её в этом поддерживали, а отсутствие единовластия сильно ослабляло Московское царство. После кровавого бунта стрельцов, которыми воспользовалась Софья, и расправой над боярами Нарышкиными, Ромодановскими и другими лицами, имевшими к бунту отношение, покой так и не наступил. Афанасий Тихонович, как человек государственный, тяжело переживал распри и вражду между боярскими родами, которые делили царевичей и желали видеть на престоле каждый своего ставленника. Царевна Софья всячески пыталась склонить на свою сторону Боярскую думу, хотя думные дворяне и дьяки, знающие служилые люди больше поддерживали Петра Алексеевича, нежели слабого здоровьем и тщедушного Иоанна.

Шло время, смута нарастала. Несмотря на боярские распри, в божьем мире царил порядок, и в положенные сроки над Москвой вновь зашумела ручьями весна с надеждами на лучшее будущее. Вишнёвые и яблоневые деревья украсили гроздьями цветов улицы Златоглавой. Солнышко за день прогрело воздух почти по-летнему.

Афанасий Тихонович, как всегда, спешил домой. Семейство его значительно приросло. Сыновья уже имели собственные семьи. Младший, Матвей, как было заведено исстари, проживал с родителями, а старший, Фёдор, имел собственный дом. В обеих семьях подрастали внуки Афанасия Тихоновича.

Часто раздумывая о своих наследниках, Афанасий благодарил Господа Бога за то, что оба сына живы-здоровы и детки их также радуют своей привязанностью к деду и прилежанием к наукам. Что до своих родителей, то у отца с матушкой из всех их деток выжил только он, Афанасий. Брата и сестру забрала страшная болезнь, прокатившаяся по Москве в пору обучения Афанасия в иноземщине. Так и остался Афанасий Тихонович единственным сыном в семье Зыковых. Размышляя над такой несправедливостью, он радовался благополучию сыновей и внуков. Дома за вечерним столом собрались все домочадцы, включая внуков.

Откушав, семейство начало укладываться ко сну. Но тут внезапно с главного крыльца звякнул колоколец.

– Кого там несёт в столь неурочный час? – обратился к дворецкому Афанасий.

– Милостивец, Афанасий Тихонович, сказывают, что от батюшки вашего Тихона Савельевича с посланием, – отвешивая низкий поклон, доложил дворовый.

– Впусти,пусти же скорее!

Через минуту, ведомый дворецким, в горницу вошёл странник, одетый по-монашески. Афанасий Тихонович сразу признал в нём посланника от батюшки Тихона Савельевича. Распорядившись, чтобы его оставили наедине с пришельцем, пригласив странника откушать, он с волнением ждал известий с северной стороны. Монах поблагодарил хозяина, но от кушанья отказался, попросив лишь питья.

– Печальную весть принёс я тебе, Афанасий Тихонович, – глотнув квасу, сказал посланник. – Отец наш, а стало быть, и твой, Афанасий Зыков, батюшка Тихон Савельевич почил в возрасте восьмидесяти пяти годов от роду. Напоследок просил тебя, Афанасий Тихонович, возглавить святое дело отца твоего. Ушёл он от нас тихо, под святое песнопение рабов его и сослуживцев святой братии веры истиной православной. Однако, принимая свои последние

денёчки, он, батюшка наш отец Тихон, написал тебе письмо и просил меня после его смерти вручить тебе, Афанасий Тихонович. Вот и настал тот час. – После сказанных слов монах вручил с поклоном Афанасию небольшую шкатулку.

Преодолевая волнение, он взял лежавший в ней свиток и стал читать. Афанасий увидел хорошо знакомый, ровный почерк батюшки:

«Афанасий, сын мой единственный.

Пришёл твой черёд сделать свой выбор между царёвой службой, службой Господу Богу и благочестием нашим православным. Знаю, что нелегко это тебе сделать. Ведь слуги Господни остаются и слугами государей наших Иоанна и Петра. Но это мы так себе мыслим. Нас же ещё государь Алексей Михайлович в преступники записал за веру нашу православную, истинно русскую, за преданность старейшему благочестию и книгам святым, писанным нашим старинным письмом. И поныне, мы остаёмся в глазах царей московских вероотступниками. Думаю, что придут когда-то времена для нас тяжёлые, когда вспомнит о нашей братии государь и будем мы вновь подвергнуты гонениям. Но эти времена придут ещё не завтра. Прошу тебя, сын мой, не брось дело отца твоего, заступи на моё место в нужный час. Вручаю тебе власть духовную и хозяйственную. С того момента, как мы с тобой повстречались, Афанасий, сын мой разлюбезный, скит наш ещё более окреп. По реке нашей Выг целые городища выросли. Прозываемся мы теперь Выголексинским общежителем с центром в Выгорецкой обители. И растёт с каждым днём число скитов в округе нашей и число людей, поселившихся в северной стороне. А во главе всего дела стоит Андрей Денисов, некогда князь Мышецкий, а духовным руководителем является священноинок Пафнутий Соловецкий из известной тебе святой обители. Перед нелёгким выбором ставлю тебя, разлюбезный сын мой Афанасий. Ведь дело касается всего рода нашего. Отказ от службы государевой навлечёт на тебя наказание суровое, потеряешь ты чин и звание, заслуженное тобою верой и правдой. Однако ж надеюсь, что вера наша поможет принять сие решение и ты продолжишь службу духовную, ибо этот путь свят и правилен.

На сём прощаюсь с тобой, сын мой, Афанасий Тихонович Зыков, молюсь за тебя и за ближних, коих не видел долгие годы, благословляю тебя, сын мой, на труды праведные, службу духовную! Аминь!

Отче старец Тихон, в миру Тихон Савельевич Зыков.

Числа шестого, месяца мая, сего 7194 года от Сотворения мира (1686)».

Афанасий читал письмо. Сознание его будто помутилось. Он слышал голос батюшки, видел его пристально-внимательные серые глаза, чувствовал тепло его руки на своей голове, словно в детстве, когда ему было трудно что-то преодолеть или принять какое-то важное решение, тятя всегда ласкал его. Ощущение тепла руки батюшки успокаивало, придавало силы и уверенности в правильности свершённого поступка.

Афанасий Тихонович знал, что когда-то ему придётся сделать выбор между службой светской и духовной. Он давно уже был к этому готов. Все сложности заключались в сынах, Фёдоре и Матвее. Как они отнесутся к такому повороту жизни? Больше волновал Афанасия Фёдор, который служил вместе с ним в Судебном приказе и был первым дьяком. Сын быстро и успешно продвигался по служилой лестнице. Пожелает ли он коренным образом поменять свою судьбу?

«Ох, тятя, тятя, большую и сложную загадку загадал ты для меня! – застыл в растерянности и задумчивости по центру горницы Афанасий Тихонович. – Как же быть? И решения задача требует скорого», – прикрыв глаза и никого не видя, рассуждал Афанасий.

Между тем пришелец внимательно наблюдал за главой семейства Зыковых. От его глаз ничто не могло остаться незамеченным. Монах видел испуг, поначалу охвативший Афанасия, растерянность, сожаление по поводу известия о смерти отца и, наконец, проявившееся чувство уверенности в себе. Было очевидно, что решение Афанасий Тихонович принял.

– Отче, разреши молвить, – обратился монах к Афанасию.

– Да какой же я отче? – смущаясь, ответил Афанасий.

– Привыкай, отче. Для нас, общинников, ты теперь будешь отче, – продолжил вопрошать гость.

– Отче, от себя добавлю. Не думай, что влекут тебя в яму непросветную, в нищету непробудную. Вижу, что живёте вы с семейством ладно, не бедствуете. Дак знайте, отче, что призываем мы вас возглавить общину нашу небедную. Трудями батюшки вашего казна наша как чаша полна. С того времени, что бывали вы у нас, скит наш городищем стал. Имеем крепкое хозяйство, ремёсла разные, рыболовецкую артель с ладьями, торгуем не хуже Архангельска с народом европейским. Управлять таким хозяйством может не всякий человек, грамота и знания нужны, языки иноземные. Отче, станете вы вместе с другими отцами во главе церкви нашей поморского согласия. А мне велено батюшкой вашим сопровождать вас до места. Видно, он, отец Тихон, или Тихон Савельевич, наперёд знали, что не сможете вы не принять предложение батюшки вашего.

После сказанного монах поклонился Афанасию и замолчал, будто ждал распоряжений.

– Ну что ж, ты прав, святой человек. Не буду я противиться воли батюшки Тихона Савельевича. Самая сложная задача – собрать и организовать отъезд семейства моего. Вот об этом думку думать буду. Опочивальню тебе, мил человек, отвели. Дела поутру вершить будем.

Разговор был завершён, ключница проводила монаха в отведённые ему покои.

* * *

На следующий день вся семья Зыковых собралась в большой горнице в доме у Афанасия Тихоновича. За вечерним столом сидели сыновья с жёнками и детьми, а также сам Афанасий со своей женой Евдокией. На правах старшего Афанасий Тихонович прочёл письмо батюшки. Наступила полная тишина, напряжение по поводу принятия сложного для семьи решения воцарилось с первых строк читаемого послания Тихона Савельевича. Афанасий не торопил высказываниями мнений сыновей. Женщины сидели, потупив свои взоры, у невесток заблестели слёзы на глазах. Лица Фёдора и Матвея были суровы. Они понимали, что батюшка уже принял решение, каждый из них думал о сборах и отъезде семей. В наступившей тишине первым, как полагается, заговорил Афанасий Тихонович.

– Что скажете, дети? Неволить вас не стану. Своё же решение я принял: батюшкино слово для меня праведное. Так тому и быть. Мы с матерью покинем Москву. Слово за вами. Фёдор, – обратился он к старшему сыну, – твоё решение какое?

– Тятя, известно, какое. Я перечить тебе не стану. Ведь, если останемся на Москве после твоего непослушания и тайного отъезда, что нас здесь ждёт? Пытошная! Смерь неминуемая! Тяжко покидать родные места, но моя семья поедет с тобой, – решительным голосом сообщил о своём решении старший сын.

– И мы, тятя, тоже отъедем с тобою, – продолжил младший сын. – И нам дело на реке Выг найдётся, а здесь – только пропадать.

– Вы, сыны, должны понимать, что путь на Москву будет заказан навсегда, что чина дворянского мы будем лишены, сольёмся с народом и будем крестьянствовать, как простые люди.

Даже мне не приходилось жить такой жизнью. А вашим деткам учиться можно будет только в домашних стенах, которые ещё тоже воздвигнуть надобно будет. Жизнь придётся начинать сызнова, будто родиться заново. Оно так и есть, служить будем Господу Богу. Край тот суров нравом и климатом, тоже нелегко придётся. Спасибо вам говорю, сыны мои, что поняли меня и поддержали. Два дня всем на сборы тайные, а вечером, как стемнеет, третьего дня тронемся с обозами. Такое моё слово и решение. А сейчас почивать пойдём, утром на государеву службу заступать. Жёнки, дочки мои любезные и супруга моя, разлюбезная Евдокия Микитична, не плачьте, не горюйте, ведь мужья и дети ваши будут с вами, остальное трудами нашими устроится. В добрый путь! – заключил Афанасий Тихонович.

После этих слов все встали, перекрестились на образа, как это делалось перед принятием серьёзных решений, и пошли по своим опочивальням на ночлег. Всем предстояла волнительная и бессонная ночь. Кто ж заснёт после всего пережитого, только разве несмышлёныши – ребятишки!

* * *

Два дня, отведённые на сборы, пролетели, наступил день отъезда. Перед дорогой провели большой молебен в отчем доме и двинулись в путь. Дорога предстояла дальняя, дён этак пять-шесть, как если с погодой сладится. Вечером третьего дня, как и было говорено Афанасием Тихоновичем, тучный обоз семейства покинул Москву.

Весть об исчезновении Зыковых быстро распространилась по Москве. Передавались слухи о бегстве семьи к староверам в непокорённую северную землю. Кое-кто говаривал, что призвал сына старый Тихон Савельевич, который достиг почитания со стороны раскольников в том суровом крае.

Реакция со стороны регентши, великой княжны Софьи Алексеевны, не заставила себя долго ждать. Согласно подготовленному государеву указу Зыков Афанасий Тихонович и его сыновья Фёдор Афанасьевич с сыновьями и Матвей Афанасьевич с сыновьями лишались навсегда чина дворянского. Им запрещалось пребывание в Москве, а усадьбы семейные подлежали сожжению, домашний скарб и утварь, земельные наделы поступали в государеву казну. В назначенный день вся Москва пришла смотреть на устроенное пожарище, уничтожившее вековой дом семьи Зыковых. Кое-кто из Боярской думы, служилые люди тайне сочувствовали Афанасию Тихоновичу и дивились мужеству семьи Зыковых, избравшей нелёгкий путь служения Богу по старым заветам. Долго не могла успокоиться Москва и обсуждала эту новость. Боярская дума, приняв жёсткое решение, боялась смуты, но всё обошлось, и жизнь Москвы вновь пошла по старому руслу.

* * *

Вот и Выг. Шумит непокорная речка каменистыми порогами, перевалами, каменными выступами, пенится студёная вода. Много родников и ручейков, кои начало своё берут в мёрзлой земле, питают эту, казалось, небольшую реку. Местами и вовсе почти уходила она в каменистую землю, показывая своё непроходимое каменистое русло. По берегам лежали огромные серые валуны, отшлифованные за века холодными ветрами. Берега реки заросли низенькими, будто карликовыми, сосёнками и берёзками. Солнышко грело, но от речной воды шла прохлада, словно север дохнул студёным воздухом. Ночи стояли светлые, вроде день продолжался, а темноты ночной так и не наступало. Чудно всё было.

Проехали несколько скитов. Провожатый монах, инок Прокопий, всё дальше и дальше уводил новых московских переселенцев. Дорога была нелёгкой. Женщины и дети вымотались, все с нетерпением ждали завершения пути. Наконец показалось Зыковское урочище.

– Приехали, родненькие, приехали уже! – радостно оповестил Прокопий о завершении большого пути.

Обозники подъезжали к большим деревянным столбам с такою же перекладиной, а от них отходили в обе стороны деревянные укрепления, изготовленные из древесных стволов. Путники заехали вовнутрь крепостного укрепления. По обе стороны стояли большие, высоко поднятые от земли деревянные срубы со слюдными оконцами. Люди высыпали из изб и низкими поклонами приветствовали приехавших. Женщины были повязаны тёмными платками поверх таких же тёмных одежд, мужчины снимали шапки в уважительном поклоне. Домов было много. В центре скита стоял молитвенный дом с церковным куполом вместо крыши.

– Вот здесь батюшка ваш, Афанасий Тихонович, и совершал духовные службы да обряды. Недалеко от храма Господня и могилка его. Щас подъедем поближе, – радостно говорил провожатый Прокопий.

Обозники подъехали ближе к церквушке, возле её сруба был виден земляной холм, в центре которого стоял большой деревянный крест, украшенный резной крышей и домиком, предназначенным для обитания души усопшего. Вокруг могилы росли аккуратно вкопанные земляные пласты с цветочками. Место было чистым и ухоженным. Обоз остановился. Афанасий Тихонович с сыновьями вошли в храм, женщины оставались у телег со скорбем.

Внутри храма стояла прохлада, горели свечи, возле иконы Иисуса Христа висела лампада. Все стены были увешаны иконами, многие из них хорошо были известны Афанасию с детства, он их сразу узнал, но появились и новые. Главный иконостас был изготовлен из меди, начищен и сверкал, словно золотой. Всё было строго, скромно, благостно, без лишнего блеска. Лики святых смотрели на вошедших в молебный дом сурово и строго, как бы предупреждая о нелёгкой жизни, которая поджидает здесь всяких новых обитателей. Перекрестившись, отбив земной поклон, Зыковы вышли на улицу. Прокопий не стал заходить с ними в храм, поджидал их вместе с обозниками на улице.

– Неподалёку дом вашего батюшки, там и расположитесь пока. Дом большой, вместительный, всем места хватит. А за лето наши мастера поставят вам и сыновьям новые дома, – продолжал свои пояснения Прокопий.

Обоз двинулся вновь. Все строения поселения были деревянными. Чувствовалось, что леса в округе в достатке. Кроме жилых домов, в поселении были устроены строения общинного пользования: высоко поднятый амбар для зерна, большая мельница, пожарка с колокольней и колодцами, кузня, конюшни, помещения для ремёсел, школа с хранилищем духовных книг. Улицы были подметены, выстроенные крепкие высокие заборы с воротами органично завершали жилую усадьбу. Всё было сделано добротное, с хорошим хозяйским подходом.

Афанасий Тихонович всё быстро оценил наметанным глазом. Перед ним раскинулось небольшое городище в окружении возделываемых пашен и полей, пасек с пчелиными ульями. Сыновья в некой растерянности осматривали всё хозяйство: они явно не ожидали такой ухоженности и порядка.

«Да, знатно потрудились тятя! – размышлял Афанасий, осматривая строения. – Не лукавил и Прокопий, говоря о достатке казны общинной. Целое поместье со всеми хозяйственными постройками и ремёслами создал батюшка! Экое богатство! Неужто и прочие скиты в таком же состоянии находятся?» – продолжал размышлять про себя Афанасий. Сыновья молча шли за ним.

– Вот и пришли к дому батюшки вашего, пречистого отца Тихона, – вновь заговорил Прокопий, показывая на большой и высокий дом.

Как только они подошли к дому, открыв тяжёлые и большие ворота, на высокое крыльцо вышли две женщины-монахини.

– Это инокини Клавдия и Федора, – представил их Прокопий, – они домашним хозяйством ведали у батюшки нашего Тихона, да я в услужении его находился. Думаю, что вам, отче Афанасий, как батюшке вашему, служить будем.

Обоз въехал в большой двор. Дети, женщины, Фёдор и Матвей выстроились возле крыльца, ожидая приглашения в дом.

– Отче, Афанасий Тихонович, пожалуйста в дом и откушайте. Времечко обеденное. Пожалуйста, гости дорогие, – с приветливыми словами обратилась к приехавшим монахиня Клавдия.

Первым в дом ступил Афанасий Тихонович. За ним робко вошли члены его семьи. Это было начало новой жизни.

* * *

Через три дня, отдохнув с дальней дороги и обустроив семейство на новом месте, Афанасий Тихонович в сопровождении всё того же Прокопия поехал на повозке в Выгорецкую обитель. Путь был недалёкий, и через пару часов по лесной дороге коляска подъехала к каменной крепостной стене. На въезде в городище были воздвигнуты большие деревянные ворота, укрепленные железом. На вратах стояла охранная служба, которая при въезде очередного путника поднимала пропускную деревянную лесину, открывая дорогу въезжающим. При подъезде к воздвигнутому пропускнику Афанасия спросили, из каких мест он будет и о цели его приезда. Один из стражей узнал Прокопия:

– Да свои, свои. Это общинники отца Тихона, который преставился на днях. – Стражи осенили себя двоеперстным крестом. – Видать, новый духовник едет.

– Проезжайте, проезжайте, родимые! А то у нас сегодня ярмарка, торгового люда много понаехало, все ряды уже полны народу, а они всё едут и едут!

Прокопий потянул постромки, и запряжённые лошади ускорили ход. Повозка быстро покатила по центральной дороге городища. Поселение походило на немалый город. То и дело по улице проезжали подводы с холстяными тюками, с коробами, с большими корзинами со всякой всячиной, с медовыми бочонками и другой снедью.

– Не бедствует народ, не бедствует, – размышлял Афанасий об увиденном, – а вот и торговые ряды, не менее чем в Архангельске! Строения большие да высокие, гостиный и постоялый дворы, конюшни. Однако преуспевают старoverы, преуспевают и капиталец имеют, должно быть, немалый! Хорошее житие! Ай да раскольники! – не переставал удивляться Афанасий Тихонович.

– Ну вот и храм наш! Здесь и увидите вы, отче, с отцом Пафнутием! – останавливая повозку, сообщил Прокопий, – я уже вовнутрь не пойду, туточки вас, отче, дожидаться буду.

Афанасий сошёл с повозки и вошёл в храмовую ограду. Посредине усадьбы стоял большой молитвенный дом, выстроенный на манер общинного, как в ските батюшки, только больше. Поднявшись на высокое крыльцо, отворил тяжёлую дверь, ступив из просторной прихожей в молельную, где проводились службы и свершались положенные обряды. Возле иконостаса стоял одетый в монашеские одежды человек. Он молился, появление вошедшего незнакомца не прервало его занятия. Афанасий знал, что прерывать общение с Господом Богом нельзя, перекрестившись, он отошёл в сторонку и стал ждать. Перед ним стоял старец, на вид ему было лет восемьдесят. Чёрные одежды и монашеский клубок подчёркивали его измождённость и усталость. Прозвучали последние слова обращения ко Всевышнему, старец просил о милости и здоровье для паствы, так необходимых для начала летних крестьянских забот, молился об урожае и достатке для жительствующего люда. Закончив молитвы, старец взглянул на стоящего поодаль Афанасия.

– Подойди ко мне, сын мой, – обратился он к Афанасию, – видно, ты и есть сын отца Тихона, – скорее утверждая, а не спрашивая, начал он беседу. – Сказывал батюшка твой о тебе,

сказывал! Хвалил всё тебя, лучше, говорил, не будет продолжателя дела нашего по сохранению благочестия истинного. Мол, службам обучен, грамотен и предан вере нашей. Попрошаю тебя: так ли, Афанасий Тихонович? Твёрд ли в вере своей? Не побоишься ли стоять за неё, как пресвятой Аввакум наш стоял?

– Да, отче! Решение я принял. Оно касается всего семейства моего, которое прибыло из Москвы вместе со мной. И как заведено, старшой сын мой, Фёдор Афанасьевич, примет от меня в своё время посох веры и заступит на службу, как сделано это мною.

– Скучал отец Тихон по семейству своему, по вам, значить. Надо бы раньше, при жизни его, приехать сюда. Но что же, былого не поправишь! А воля покойного для меня истина. Посему быть тебе, Афанасий Тихонович, отцом Афанасием, прозываться будешь отче Афанасий. Служи Господу нашему Иисусу Христу, храни чистоту веры нашей православной, приумножай паству нашу поморскую, ибо обитель наша и церковь наша зовётся поморской. А теперь ступай и повстречайся с Андреем Дионисиевичем, который хозяйственными вопросами нашими ведаёт. Надо будет, я тебя позову. Мы собираем духовных старост общин наших, придёт время – тебя известят. А теперь ступай, устал я что-то, прилягу пойду, а то уж и служба вечерняя подойдёт. Прощай покудова, отец Афанасий.

Осенив Афанасия Тихоновича крестом, старец медленно вышел из молельни. Афанасий пошёл следом за ним.

Дом Андрея Дионисиевича находился недалеко от церкви. Внешне он ничем не отличался от прочих жилых строений, коих уже немало видел Афанасий. Он разволновался, осознав свою совершенно иную миссию, неизвестную и пугающую. Его раздумья прервал Прокопий, указав на жилище Андрея.

Ворота были открыты, Афанасий беспрепятственно прошёл к дому. На дверях висел колоколец, в который и зазвонил Афанасий Зыков, а теперь уже отец Афанасий. Дверь открыла ключница. Спросив его, кто он и по какому вопросу, она быстро зашла во внутреннее помещение, оставив вошедшего в просторной прихожей, где стояли массивные скамьи. Афанасий не стал садиться, вскоре та же ключница провела его во внутренние комнаты.

Андрей Дионисиевич был нестар, крепок, одет в простые крестьянские одежды. Он приветливо пригласил Афанасия Тихоновича сесть за стол, на котором стояли меды, самовар и на глиняных тарелочках разложены всякие постряпушки.

– Отпей чайку, отец Афанасий. – Афанасий сразу даже не понял, что обращаются к нему. – Рад, рад знакомству. Хорошо, что старостой общины будет управлять человек образованный, знающий. О хозяйстве твоём говорить не буду, сам во всём разберёшься, а вот об общей казне несколько скажу. Все общины Выголексинского общежительства участвуют в содержании общей казны, которая является для всех средством развития торговых дел, строительства судов для рыболовства в Белом море, а также для торговых походов в иноземные государства. Приходится Архангельску платить налоги за пристани, за торговые ряды и многое другое. Ты, отче, и сам должен понимать необходимость в одной казне. Я тебе обо всём опишу опосля, а пока домашними делами займись. Батюшко твой зело умён и предприимчив был. Думаю, что вы, отец Афанасий, достойно продолжите дело наше, тем более что благословение на службу вами получено. А топеряча давайте чай пить, а то он стынет.

На зов хозяина дома из женской половины вышла миловидная женщина, как оказалось – жена Андрея, Елизавета. Несмотря на тёмные одежды и плат на голове, скрыть её свежесть и красоту было невозможно. Женщина молча разлила чай по большим чашкам и для удобства питья налила его в блюдца, смиренным и тихим голосом пожелала приятного аппетита и удалилась в свои комнаты. После непродолжительного чаепития аудиенция в обитель была завершена. Покидая её, Афанасий не переставал удивляться Андрею: даже не верилось, что перед ним сидел князь, хоть и опальный, но князь! Их-то он на Москве много знавал, а этот совсем другой! Вот ведь как!

Со следующего дня началась для семьи Афанасия Тихоновича Зыкова неведомая доселе жизнь. Целыми днями он был занят духовными службами, молебном, обустройством общины. Сыновья стали подмогой: постигали крестьянские полевые работы, обучались ремёслам, всем хозяйственным делам пришлось овладеть. Народ общинный оказался мастеровым и трудолюбивым. Крестьянам была привита честность, дисциплинированность, беспрекословное подчинение духовному старосте, который был для них всем. Одним словом – отец. К такому званию Афанасий Тихонович привыкал долго.

Со строительством государем Петром Алексеевичем верфи на Белом море вблизи от Архангельска, на острове Соломбала, торговля в городе значительно возросла. Иноземцы стали частыми гостями в Архангельске и в судостроении первыми советчиками. Многие поморские крестьяне искали там приработок, а также поставляли свой товар. До пяти-шести тысяч человек занимала судоверфь. В мае 1694 года Пётр I спустил на воду свой первый торговый корабль «Святой апостол Павел». Всё это поспособствовало развитию и поморских общин. Иные ушли на самый берег Бела моря, заложив там русские поселения.

К 1698 году только Выгорецкая обитель насчитывала уже более двух тысяч человек. В 1702 году старообрядцы получили от царя Петра Алексеевича, заинтересованного в освоении северных земель, право отправлять службы по старым книгам и экономические льготы. Обитель трудом староверов превращалась в процветающую, крупную общину, окружённую многочисленными скитами с пашенными дворами, рыбными и другими промыслами. В общине действовали мастерские по выплавке меди, производству кирпича и деревообработке, выделке кож, выгону смолы и дёгтя. Община имела несколько хлебных пристаней на Онежском озере, несколько судов и мельниц. На побережье Белого моря в необжитых северных широтах появилось своеобразное государство, строившее весь жизненный уклад по собственным законам и заповедям.

* * *

– Ванн! Ванн! Ванн! – раздавались призывные возгласы по скалистому побережью холодного, ещё не успевшего ранней весной набрать тепла, Северного моря.

Стройная сероглазая девушка, присев на большой валун, который навис над водной морской голубизной, склонилась над искрящейся в солнечных лучах водой, разговаривая с морем.

– Ванн, ты знаешь, что меня так зовут. Это моё странное имя дано мне в честь тебя, о море, за мою любовь к тебе, – глядя на своё отражение в зеркальной и прозрачной воде, смотревшее на юную красавицу с удивлением одновременно с восхищением, негромко промолвила она. Её светлые распущенные волосы коснулись водной глади.

– Я пришла проститься с тобой. Нет, не навсегда. Мы с отцом поведём торговые корабли в Русь. Там мы тоже будем вместе, ведь ты великое море и твои воды омывают не только наши берега, и ты шлифуешь не только наши скалы. Но этот берег и эти фьорды мне родные, а потому я пришла проститься с родными местами. О море, мы неразлучны! Я, словно русалка, никогда не смогу жить без твоего солоноватого привкуса и морского бриза, без твоих бирюзовых волн, в которых любит играть солнце. Море, подари нам добрую погоду, попутные ветры и ласковое солнце! Нам с отцом это так нужно! Нас ждёт неизвестная Русь, её большой торговый город. И только ты будешь со мной в этой неведомой стране. Спасибо тебе, море!

Девушка опустила руки в холодную воду, зачерпнув её немного, омыла своё ещё совсем юное лицо. В это время, увидев красавицу с вершины скалы, к ней спешил юноша.

– Ванн, ты, как всегда, здесь! Всё любишь себя? Тебя ищут, а твой отец волнуется. Он боится, что ты останешься дома и не будешь его сопровождать в незнакомую страну, язык которой ему неведом. Ах, Ванн, и зачем ты выучила этот поганый язык дикарей? Я понимаю,

что знание английского для ведения торговых дел необходимо, но зачем вам идти в Русь? К этим неучам и варварам? – Говоря всё это, юноша смотрел с грустью и тоской на юную девушку.

– Юджим, ты не прав. Наши торговцы говорят о том, что русские ведут большую торговлю в Архангельске. Их товар покупают многие европейские страны, а корабли руссов положили себе путь и в нашу страну. Моему отцу выпала великая честь возглавить норвежскую торговую миссию в этом русском городе. Без моего знания языка ему трудно это будет сделать, я буду с ним.

– Но, Ванн, а что будет со мной? Как же я?

– Юджим, ты мой самый лучший друг! Но сердце моё молчит. Не печалься, ты обязательно встретишь девушку, которая полюбит тебя. Прощай, мой друг. Пойдём, мне пора, отец волнуется, и время для нашего похода пришло.

Девушка крепко взяла за руку юношу, и они побежали в порт, где Ванн ждал корабль, который унесёт её в чужую страну, туда, где она встретит свою судьбу и новая Родина примет свою дочь и наречёт её Анной.

* * *

В Архангельске купцы из европейских стран стремились к своему господству на открывшемся новом торговом пространстве. Для укрепления своих позиций некоторые из них открывали в северном городе что-то вроде торговых миссий, постоянное пребывание которых было выгодным обеим торгующим сторонам, укрепляя коммерцию. Среди русского купечества, большей частью новгородского, архангельского и московского, также проявилось стремление к расширению торговых связей. Именно из Архангельска пошли русские корабли с товаром в европейские страны.

* * *

Афанасий Тихонович по торговым делам частенько бывал в Архангельске со своим старшим внуком. Всё больше он замечал за Петром, как, бывая в норвежской торговой миссии, он вспыхивает, встречаясь взглядом с юной дочерью норвежского коммерсанта, с которым Афанасию приходилось вести дела. При очередном посещении норвежских купцов он решил поговорить об этом со своим внуком.

– Пётр, я наблюдаю за тобой и вижу, как вспыхивают румянцем твои щёки всякий раз, когда на церемонии присутствует дочь норвежского коммерсанта Ванн. Ты должен понимать, что это чужие для нас люди, прибывшие по делам из чужой страны. Вас разделяет не язык, с этим как раз проблем нет, но вы принадлежите к разной вере. Ты знаешь, как строги мы относительно соблюдения наших традиций и уклада жизни. Пётр, помни об этом и не переходи черту дозволенного и разумного.

– Да, дед. Отче, я давно люблю Ванн, и она полюбила меня, – взволнованно ответил Пётр.

– Когда же вы произнесли эти слова? Что ты говоришь мне, духовному настоятелю общины? Как это всё случилось?

– Отче, я хочу взять в жёны Ванн! Я всё сделаю ради этого, но без неё мне не будет счастья. Отче, помогите мне!

Старец растерялся. Не думал он, что уже опоздал со своими словами, что в сердце внука вошла эта иностранка со странным именем Ванн! Он не торопился с ответом. Выждав, пока его сердце забьётся ровнее и остановившееся дыхание вернётся вновь, Афанасий заговорил:

– Внучек, мы уважаем все народы у нас нет никакой предубеждённости против иноземцев, ты это знаешь. И девушку ты выбрал красивую, умную и образованную. Единственное условие, которое является препятствием для вашей любви, – это разное вероисповедание. Ванн

должна принять нашу веру, и вы должны получить благословение её отца на брачные узы. Если это не будет соблюдено, то мечте твоей не исполниться никогда! Пётр, тебе когда-то предстоит нести нашу веру дальше, быть преданным ей, как родитель мой, пресвятой отче Тихон. Большая ответственность на тебя ляжет как на моего старшего внука.

– Отче, я всё понимаю и никогда не предаю веры нашей. Ванн примет наше вероисповедание. Окрести её, отче Афанасий. – Произнеся эти трогательные слова, Пётр опустил в поклоне перед святым отцом свою голову. Теперь его просьба была обращена не к деду, а к духовному настоятелю общины, от решения которого зависела судьба юноши.

– А как быть с благословением отца? Без согласия родителя брак невозможен.

– Ванн сказала отцу, что не вернётся в Норвегию, что «Путь на Север» (*смысловое значение слова «Норвегия»*) лежит и через Русь, и она пойдёт по этому пути со мной, разделив участь своей русской семьи и Родины, принявшей её. Отец её долго горевал, но из любви к дочери дал согласие на брак. Отче, мы можем засылать сватов. Всё теперь зависит от твоего решения.

– Ну, коли так, тогда Ванн надо готовиться к крещению, по календарю нашему наречём мы её Анной.

Так всё и случилось. Анна и Пётр стали мужем и женой.

* * *

Старел Афанасий Тихонович, восьмой десяток уж шёл. Давно возмужали сыновья его Фёдор и Матвей, у которых уже и внуки повзрослели да жёнок достойных нашли, некоторые уж и деток своих нянчили. Однако крепок был старец Афанасий, силы и практический ум позволил ему по-прежнему благополучно управлять общиной староверов. Появление государя в северном крае насторожило многих поморов. Отец Афанасий помнил слова отца своего о том, что должны вспомнить государи о непокорных раскольниках. Он предчувствовал, что таким государем станет Пётр I. Но царь обходил пока стороной поморские скиты и не трогал староверов.

Государственная казна требовала новых средств. Вести о процветании «государства староверов-поморов» дошли до царя. В 1716 году все общины Выголексинского общежительства были обложены непомерным двойным налогом. Два подряд неурожайных года также подорвали хозяйство поморских общин, и единая казна не спасала их от разорения. Молитвы и переговоры с царёвыми посланниками ничего не дали. Большое хозяйство стало на глазах хиреть. Отец Афанасий понял, что время перемен пришло.

Вечером Афанасий Тихонович, как когда-то в Москве, собрал всю свою семью у себя в доме. Тесноват был дом батюшки Тихона Савельевича для такой большой семьи. В просторной горнице собрались сыновья Фёдор с сыновьями Петром, Дмитрием, Яковом и Матвей с сыновьями Прохором и Алексеем, да жёнки ихние. Малых ребят да девчушек опочивать уложили. Как всегда, на столе стоял самовар, меды, ягода всяка и стряпня. Однако, понимая, что батюшка собрал всех по важному делу, мужская часть семьи Зыковых не прикоснулась к угощению.

В горницу вошёл Афанасий Тихонович, все пересуды и разговоры прекратились. Батюшке уж скореева девяносто годков должно быть. Однако общинный староста службу духовную до скончания дён нёс.

– Детушки мои, сыновья и внуки, собрал я вас всех нонче за большим сказом о деле нашем и будущем семейства нашего, а также о продлении веры нашей и благочестия православного. Пришёл час, как когда-то батюшка мой Тихон Савельевич, так и топеряча, надобно земли новые открывать да осваивать их под наше жительство. Нелёгкая эта задача. Дак ведь отцы наши и деды в своё время справились с ентою нуждой, ну дак и вы справитесь.

Афанасий замолчал, испытывающе посмотрел он на продолжателей рода своего, молодых юнцов-внуков и уже ставших почтенными сыновей. Никто не прерывал его речь. Все с волнением и вниманием ждали продолжения слова отца Афанасия.

– Государь наш Пётр Алексеевич не оставит нас в покое. Он не только хозяйство наше в разор пустил, но и на веру нашу запрет наложит. Негоже нам сиднем сидеть и ждать конца общежителству нашему. Надо в новые земли идти, за Камень (Уральские горы), в Сибирь, где покуда слаба царская власть и на необъятных просторах трудно будет сыскать нас царёвым служилым. Мало что известно об ентом крае, но кое-что ведомо, – продолжил Афанасий Тихонович.

– А ещё надобно в родную сторону подаваться, поближе к Москве. Вы знаете, что там церковь наша поморского толку имеет большие скиты. Посланники тех общин у нас бывали не единожды. Пришло время объединять наши усилия по сохранению чистоты веры православной. Царь Пётр возобладал неограниченной властью, теперь ему ещё Церковь себе подчинить надобно, замахивается на Господа нашего Иисуса Христа. – При этих словах отче встал и наложил двоеперстный крест на всех присутствующих, также вставших из-за стола.

– И на здешнем месте тоже остаться надобно будет, продолжать службу несть и хозяйством управлять, – глубоко вздохнув, продолжал отец Афанасий.

В полной тишине он продолжил:

– Долго думку я вынашивал, дети мои. Пришло время расставанья, но вослед придёт время, когда вновь семья наша воссоединится. За Камень пойдёт Матвей со всею своею семьёй: сыновьями и дочками, а также внучатами обоих полов. На тебя, Матвей Афанасьевич, сын мой разлюбезный, и на твою семью возлагаю самую трудную задачу – отыскать новые земли для переселения поморских общин. Презимуете дома, подготовитесь к столь трудному переходу, а как откроются тележные дороги весной, так и тронетесь всем твоим семейством. – Говоря всё это, Афанасий бросил взор на сына, на его сынов, невесток. Лица мужчин были спокойны, женщины же молча глотали накатившие слёзы. Отче понимал, что его слово будет исполнено, но внутренняя жалость, страх за жизни дорогих и любимых им близких проступали в этом долгом взгляде.

– До зимы дойдёте до Камня, там презимуете, подготовитесь к весеннему переходу, а там опять в путь. Ежели рано по теплу на Камень придёте, всё едино ждите зимы и только новой весной дале пойдёте. Зима там приходит сразу после летнего тепла, а потому спешить нельзя. Как дойти до энтих гор, что Камнем зовутся, на тот случай у меня карта есть, а вот про Сибирь мало что знаю, потому и неведом тот край. Однако слышал я, ещё находясь в Москве на государевой службе, что с Камня люди ходят в Сибирь на промыслы разные, потому знающих людей, которые могли бы вас провести в тот край, найдёте. Сибирь-то, она тоже разная. Есть в ней леса и студёная сторона, суровостью которой нас не испугать, мы привычны к холодам. Но есть в той стороне горы, которые закрывают холодные ветра, а потому щедрая та сторона на ласковое тепло. Вот туда и пойдёте. Моря там нет, но земля щедро родит, леса тоже есть, озёра и реки полноводные. Живут в горах иноверцы, да и в пути мало русских встретите, инородцы разные проживают. Вы с ними дружбу заводите, войной нельзя, только с добром идти надобно. Закладывайте новые сёла, собирайте единоверцев, милостью Божьей приумножайте веру нашу. Никонианцев тамошних, ежели найдёте, не троньте. С миром идите, в сёлах их тоже можно селиться, токмо храмы свои стройте, верой той не оскверняйтесь. За два года пообживётесь, гонца шлите в родную сторону. Матвей, сам останешься на новых землях, а сынов налегке на конях отправившь домой. Обратну дорогу также поделите на две части: до Камня, а потом остальной путь. Вернётесь, кто жив будет, того и поведёте в новый край. Мне-то уж не дожить до ентова. Вот Фёдор станет апосля меня общинным старостой, вот ему и решать вопрос о дальнем пути. Я же здесь остаюсь, рядом с батюшкой своим Тихоном Савельевичем да с жёнушкой своей разлюбезной Евдокией в землю лягу.

Отец Афанасий, уставший от долгой речи, замолчал и слегка пригубил ещё не остывший чай. Немного помолчав, он продолжил, перебросив свой взгляд на старшего сына, Фёдора.

– Пётр Фёдорович, тебе со своею семьёй и с детишками предстоит идти в Московские земли. В Москву заходить заказано. Обоснуешь новый скит в землях тех. Леса там, болота да топь непроходимая, Патриаршина та земля называется. Наша Выговская пустынь связана с христианами Патриаршины, у тебя и проводник будет. Сейчас там много скитов староверов появляется, боятся ревнители веры царя Петра, вот и уходят. Тебе, Пётр, и твоей семье предстоит укрепить в тех местах нашу веру и церковь нашу поморскую.

Пётр внимательно слушал старца Афанасия. Перед ним был настоятель церкви поморской, староста беспоповской общины, слово и воля которого решала всё. Фёдор молчал, душа его кровью обливалась оттого, как ему жаль было отправлять в этот неведомый край своего первенца, самого любимого и дорогого сынка. Но воля и решение отца исполнялись беспрекословно. Он молча слушал речь батюшки. Ему вспомнился вечер накануне отъезда из Москвы, когда он ещё был молод и из деток только Петруша был рождён в Москве, остальные детки родились уже на севере Руси.

– Как обживёшься там, – между тем продолжал вести свою речь отец Афанасий, – дашь знать о себе. Думаю, что близость к Москве не позволит нам переселяться в те места, но, как знать, может, и там община наша обоснуется.

Афанасий Тихонович перевёл свой взгляд вновь на старшего сына.

– Фёдор Афанасьевич, а также Дмитрий Фёдорович и Яков Фёдорович, вам, детушки, веру здесь сохранять и стоять за неё, как стоял наш праведник Аввакум. Думаю, что ближе к морю податься одному из вас, сынки, придётся. Морем кормиться тож надобно, Господь наш осерчал на нас, грешных, оскудела земелька, не хватает людям нашим на пропитание. Надобно морской промысел больше развивать.

Афанасий тяжело вздохнул, вновь перекрестился и продолжил говорить:

– Всем нам, сыны мои дорогие, предстоит хранить веру нашу и дело наше. Никогда от людей прочих не уходите, селитесь рядом с иными православными, засевайте землю, развивайте промыслы, торгуйте со всяким людом, учите наукам и языкам детей ваших, ибо тёмен человек, что зверь, без веры и знаний. Для укрепления веры и сохранения благочестия разделим книги святые и иконы с ликами Господа нашего Иисуса Христа на три части, каждой стороне по доле: Сибирской, Патриаршей и здесь, на реке Выг, поморской обители останется. Книги энти и лики храните, как святыни. Этому цены нету, в них заветы прародителей наших. Как обоснуетесь на новых местах, так приумножайте книги те в рукописном и печатном виде. Так сохраним мы истинно русские письмена, кои открыли деды наши.

Сил больше у старца не было. Казалось, что он под тяжестью сказанного упадёт с сиденья своего. Афанасий Тихонович и сам чувствовал, что силы его иссякли.

– Всё, сыны мои разлюбезные. Зимовка предстоящая много задач перед вами ставит. Последняя зима в родных местах. Покидаю я вас, пойду сосну, силушки наберусь на новый день.

Отец Афанасий потихоньку встал из-за стола и пошёл в свою опочивальню.

* * *

О своих намерениях отец Афанасий сказывал на совете духовных старост поморской церкви. Духовные отцы приняли решение Афанасия Тихоновича, а также сговорились выдать его сыновьям и внукам, кои отправятся в новые земли, золото из общей казны общежителства.

Вся зима прошла в хлопотах по подготовке к длительной дороге: изготавливались холсты, шились тёплые и дорожные одежды, пополнялся пороховой запас, приводилось в поря-

док и покупалось новое оружие, ковались сундуки для дорожной клади, делались продуктовые запасы.

Пришла весна. Откапала апрельская капель, подсохли дороги, открылся тележный путь. После всенощной и большой службы перед задуманным большим делом семьи Матвея Афанасьевича и Петра Фёдоровича Зыковых были готовы отправиться в дальнюю дорогу. Афанасий Тихонович, не скрывая слёз, простался со своими близкими, понимая, что не увидит их более никогда. Двадцать пять душ отправлял Афанасий в неизвестную сибирскую сторону и восемь душ – в Патриаршину. Проводить Зыковых пришли все общинники, много людей собралось из других скитов, прибыли и отцы поморской церкви Выголексинского общежитства. После сердечного расставания и напутствий нагруженные обозы тронулись в путь.

Вокруг зеленел молодой листвою лес, стоял аромат ранних цветов, и солнышко по-летнему ласково приветствовало путников. Непродолжительное время обозы Матвея Афанасьевича и Петра Фёдоровича шли по одной дороге. Но вот подошло время, и дядя с племянником разъехались по разным сторонам. Долог путь оказался для семейства Матвея: лесные гущи и чащобы, переправы через многочисленные речушки, кружились возле болот. День за днём в зной и в дождь шёл груженный обоз на восток. Хорошо, карта тятинна была. Ночевали, где придётся и как получится. Но лето есть лето, холод не донимал, болезни тоже, а дорога всё не заканчивалась. Вот уже холмы пошли, перерезанные небольшими ручьями, ложки с высокими травами, кое-где камни стали из земли выступать. Уже шёл август, начались дожди, осложнявшие продвижение обозников. Но вот однажды ранним утром, когда поднимался утренний туман и травы блестели на солнце от ночных рос, на горизонте показались горы.

– Братцы мои! Вот и Камень показался! Как он суров и величав! – воскликнул Алексей, увидев горы. Впереди предстояла длительная зимовка, а дальше ждала неизвестная и необъятная Сибирь.

Глава 3. Патриаршина

Со времён Московского Патриарха Иосифа ряд деревень недалеко от златоглавой Москвы входили в состав владений блаженной памяти благочестивых патриархов Московских и получили название Патриаршины. Подмосковная окраина эта была пропащей глухоманью. Болота, чёрные топи, леса... Но именно здесь сохранила жизнь свою и веру свою часть русского народа, которая не умела смириться с обновлением церковных обрядов. Населявшие эти места крестьяне были против других более грамотными, развитыми, имели хозяйства получше. В никоновские времена они, невзирая на зависимость от патриарха, отказались принять новшества и остались верными последователями старой веры, за что были впоследствии гонимы и притесняемы. Духовные старосты общин староверов искали и поддерживали связи с Выголексинским общежитством, став своеобразным поморским поселением в самом центре Руси. Сюда-то и приехала семья внука Афанасия Тихоновича – Петра Зыкова.

Поселившись с семьёй в одном из небольших сёл, Пётр Фёдорович с толком использовал имеющийся капиталец, как семейный, так и выданный ему поморской Выговской общиной староверов. Пётр построил большой молитвенный дом. Высокое здание не имело звонницы, не было увенчано крестами. Для старообрядцев это не позволялось. Внутри дом был просторным и светлым. Высокий свод и стены с вытянутыми вверх стрельчатыми окнами, иконостас и клиросы, свещной ящик сзади у южной стены, простые лавки вдоль боковых и задней стен – всё было изготовлено из светлого дерева. Подсвечники и паникадило – из белого металла. В иконостасах иконы без дорогих серебряных или позолоченных окладов. Это богатство света и простоты вызывало при входе в молитвенный дом чувство духовной радости и умиления. Срубленные из нового леса жилые палаты для своего старшего сына Дмитрия, уже женатого в ту пору, и для себя с младшим сыном и дочками-подростками, сооружения общинного предназначения

по примеру родного места дополняли свежими строениями довольно старое, с уже почерневшими домами поселение. Живущие в тех местах люди, хранившие старую веру, с радостью приняли посланников из Выгова и выразили своё желание видеть Петра Зыкова духовным старостой разрастающейся поморской общины. Помня слова батюшки о развитии промыслов и торговли, он взялся за новое для него дело. Опыт и сноровка в ведении хозяйственных дел, полученные им в семейном деле, быстро принесли свои плоды.

Самые хорошие урожаи в этой местности давал лён. Батюшка Пётр выстроил несколько ремесленных мастерских, где вручную в нелёгком труде изготавливали льняные холсты и другие суконные материи. Быстро наладилась и торговля. Торговали тем, что давали леса, медами, пенькою, но больше всего изготовленным ткаческим товаром. Тонкие полотна хорошо продавались в Москве, куда был отправлен отцом Петром полномочный от общины вести дела торговые.

Как и в северном крае, Патриаршина, где проживали старообрядцы не только поморского толка, но и прочие раскольники, в управлении своём была довольно сложна. Помня завет отца Афанасия о мирной жизни на новом месте, беспоповцы-поморы ладили со всеми. Помогало в этом крепкое хозяйство, которое развернули на новых землях поморы. Общины поморов были объединены советом духовных старост по примеру Выголексинского общежительства, с коим продолжали поддерживать тесную связь.

Устроившись и обжившись на новом месте, Пётр Фёдорович, принявший сан отца Петра, отправил в Выгов, как было велено отцом Афанасием, посланников во главе со своим старшим сыном Димитрием.

* * *

Новая сторона нравилась Петру. Смутно помнилось ему московское житьё до отъезда в северную землю. Мягкая зима, благодатное лето, богатые рыбой озёра, щедрые на дары окружающие сёла леса – всё это естественным образом вселяло надежду на возвращение семьи из ледяной пустыни на Патриаршину. Леса всякого: и хвойного, и лиственного – сколь душе угодно. Деревянные постройки росли как грибы после тёплого дождика. Успешные дела отца Петра привлекали тамошних крестьян, они с радостью переселялись из иных скитов и деревень.

Много времени Пётр Фёдорович уделял духовной службе. Близость к Москве позволила ему значительно увеличить библиотеку духовных книг за счёт печатания оных в книгопечатне. К молитвенному дому примыкала школа с хранилищем для святых книг и икон. Малые дети и юнцы обучались грамоте, письму, ремёслам. Своих сыновей Димитрия и Ростислава сам Пётр, как было заведено в семье, обучал ведению хозяйственных дел. Он даже летописца завёл. Этому никто его не обучал, однако отец Пётр считал летописание делом нужным. Появились целые книги рукописного творения о житии поморов. Он стал устраивать открытые диспуты с верующими иных церквей. Искусство изречения духовных истин старого благочестия, которое проявил при этом Пётр Фёдорович, прославили его по всей Патриаршине и за её пределами, что изрядно поднимало авторитет и доверие к поморам.

Складывалось всё благополучно. Тут и младшего сына подошло время оженить. Невесту нашли в Звенигороде, была она также старой веры и купеческого роду. Вот и вновь произошло сближение со Златоглавой. Молодые поселились в доме Петра. Скоро уж и дочки заневестятся. Женихов подыскивать надобно. Дом был полон, домочадцы сыты и здоровы, дети радовали, у Димитрия сынок родился, первенец, назвали его в честь основателя зыковской поморской семьи Тихоном.

* * *

Димитрий с небольшим и лёгким обозом, состоящим из пары повозок с московскими подарками да дорожным пропитанием, держал путь на Поморский Север. Летняя дорога не так тяжела, как в зимнюю стужу. Десяток всадников и повозки, запряжённые парами резвых лошадей, продвигались быстро. Путь был уже известен и даже положен Петром Фёдоровичем на самодельную карту, в коей отмечены были болота и речки, а также указан краткий проход между болотными топями и лесными чащами, встречающиеся на пути сёла, тележные дороги. Через месяц пути Димитрий достиг Зыковского урочища на реке Выг.

По прибытии посланников из Патриаршины люду собралось послушать и посмотреть на приехавших немало. Встречал своего внука Фёдор Афанасьевич, семьи дядей и тётушек со своими семействами, оставшимися на этой северной земле. Оказалось их немало. Но среди встречающих Димитрий не увидел батюшку Афанасия.

– Почил, почил батюшка Афанасий, вскоре после того, как проводил Петра и Матвея со семействами в новые земли, – увидев вопрос в глазах внука, рассказал Фёдор Афанасьевич, – как и сказывал он, могилка батюшки рядом с его отцом Тихоном Савельевичем и с супругой его Евдокией Микитичной. По благословению отца Афанасия заступил я на службу духовную, тружусь на поприще духовного старосты нашей общины, – продолжал он своё повествование.

– Худые у нас дела, внучок, ой, худые! Но об этом опосля, откушаете, отдохнёте с дальней дороги, а там и беседу продолжим. – Сказывая это, Фёдор Афанасьевич пригласил путников в свой дом за накрытые столы.

Умывшись и испив студёной водицы, гости зашли в дом отца Фёдора, который поселился после кончины батюшки в отчий дом, оставив свой младшему сыну. Дом уже подходил к своему вековому стоянию, ведь срублен он был ещё Тихоном Савельевичем. Несмотря на свой солидный возраст, строение было крепким, внутренние покои просторными и светлыми. Всем прибывшим нашлось тут место. После трудной и долгой дороги, после сытного кушанья все быстро отошли ко сну.

Димитрий уединился с дедом в его опочивальне. Долго шёл разговор. Вот уже и белая северная ночь шла к своему завершению, а дед с внуком и не ложились вовсе.

– Вот, Димитрий, общежительство наше Выголексинское становится всё слабее. Царь Пётр со строительством флота нас совсем разными поборами разоряет. Отбил он у нас иноземных купцов, московские купцы теперь тон задают. А иноземцы товар царю-батюшке поставляют. Теряем мы места торговые в Архангельске, да всё годы неурожайные преследуют нас. Трудно хозяйствовать. Больше морем кормимся, небольшой скит у самого моря основали. Так и живём. Притоку населения не стало. Опять же царь Пётр за вовлечение в нашу веру смертну казнь наложил. Боится теперь люд к нам приходиться! Сторонников наших по-прежнему много, но сюды топеряча они не идут. Народ наш поморский боится, что нас всех царь изведёт! Однако не трогает государь, может, пока... Пойдут ли с тобой люди, Димитрий, на землю Московскую? Думаю, пойдут. Что касаемо нас, Зыковых, то мы по воле батюшки Афанасия Тихоновича останемся здесь. Негоже нам бежать отседа. Веру Аввакумову держать надо и память о наших прародителях, хранителях старого благочестия, тоже. Останется нас туто немало, включая меня и семьи сына, внуков и дочерей, двадцать душ. С Божьей помощью не пропадём. А народ удерживать не буду. Пусть сам решает. Завтрева поедем в Выгорецкую обитель к старцам духовным с оповещением. Думаю, что и оне не будут преграды чинить желающим отъехать вместе с тобою. Но не думаю, что многие побросают насиженные родные места и поедут с тобою. Как уж будет! Думаю, что кто-то побоится близости Москвы и власти царской. Тоже след помнить о том, как мы здесь оказались. Всё и обсудим со старостами духовными.

– Ты прав, дед, близость Москвы и нас пугает. Хотя живём мы спокойно, товарами своими на Москве торгуем. Да и народ у нас разный, не то, что у вас здесь. Батюшка мой, Пётр Фёдорович, искусные дискуссии проводит о чистоте веры нашей. Однако тревожно мне, что может это вызвать гнев государев. Всё хорошо, но близость царя московского сказывается всё сильнее, и противостоять ей никакой возможности у нас нету. Но я исполнил волю покойного старца Афанасия Тихоновича, известия о нашем житии привёз, а там уж как решите, так и будет.

С этим и разошлись уже утром следующего дня, чтобы соснуть пару часов до утренних дел.

* * *

С утра следующего дня отец Фёдор и Димитрий отправились в поморскую обитель. Ехали быстро, дорога, довольно сухая и пригодная к проезду в летнее время, не чинила препятствий, и через пару часов путники достигли своей цели. Не единожды бывавший в торговые дни в Выгорецкой обители Димитрий сразу заприметил царившее здесь запустенье. Торговые ряды были заброшены. Видно, что давно уже здесь не занимаются торговлей. А ведь прошло всего года три-четыре, как он бывал здесь, и тогда уже был замечен упадок, но видимое им зрелище было удручающим.

Нет многолюдья на улицах, нет спешащих монахов, будто и людей навовсе не осталось в городище! И всё-таки появление «новых приезжих» заставило любопытствующих выйти за ворота и вопросительным взглядом провожать их вослед.

– Видно, давненько сюда никто не езживает, батюшка Фёдор? Даже пара пришельцев удивление вызывает у старожилов, – обратился Димитрий к деду, называя его «батюшкой», как было принято прилюдно величать.

– Да, давненько к нам уж никто не заезживает. Сами по себе живём, как можем. Торговать нечем, покупать не на что. Вот так-то, внучек. Беднеет наш народ, а куда податься? Везде царёва власть достанет. Так-то ведь и живём, держимся друг за дружку, концы с концами сводим кое-как.

– А я вот тебя не спросил давеча, дедушка, а с Сибири не было гонца али какого известия? – вспомнив про отъезд Матвея Афанасьевича, обратился с вопросом Димитрий к отцу Фёдору.

– Да что ты! Что ты! Рано ещё ожидать известий из-за Камня! Не пришёл срок. Хорошо бы уже добрались до места. А ты говоришь – известия! А то, может, сгнули где в пути! Не дай-то бог! – перекрестившись, ответил Фёдор.

– Ну вот, кажись, и приехали, и старцы на месте, однако. Служба-то к обедне ещё не началась. Как раз приехали, – остановив лошадей, запряжённых в лёгкую повозку, произнёс Фёдор Афанасьевич.

Разместив лошадей от летнего солнца под навесом и бросив им овса, отец Фёдор и Димитрий вошли в молитвенный дом. Во внутреннем помещении, кроме нескольких святых отцов, никого не было.

– Святые отцы, здравия вам и защиты от Господа нашего Бога. Вот привёз я вам внука своего Димитрия. Как уговаривались, приехал он с вестью из московских мест, из Патриаршины. Зовёт к себе наших крестьян и вас, святые отцы, на житие. Да он сам всё и скажет об этом, – обратился к духовным старостам Фёдор Афанасьевич.

Присев на стоящие в молельне лавки, Димитрий рассказал о жизни поморских общин на Патриаршине. Поделился он и своими сомнениями по поводу близости Москвы и царёвой власти. Его выслушали с большим вниманием. Поблагодарив за вести, старцы долго обсуждали новости.

– Обскажем мы всё народу своему, каждый в своём ските, и ты, отец Фёдор, тоже извести крестьян. Пусть люд сам решает: оставаться или уходить. Мы же останемся на наших святых землях, где жизнью за веру нашу и благочестие стоял святой Аввакум. Неволить людей не будем. Сколь времени у нас до отъезду на Патриаршину, Димитрий? – обратился самый старый духовник к Димитрию.

– Дён семь, отче, не больше. Лето на закат пошло, дожди начнутся, дороги будут непроезжими. Торопиться надо с возвращением.

– Хорошо, Димитрий Петрович, с утречка через семь дён будут в вашем скиту подводы с желающими уехать с вами. Не обессудь, сколь будет, столь и будет, мало кто сдвинется с насиженного места.

– Быть по сему, отче, – с поклоном завершил речь посланник из Патриаршины.

Слегка отведав лёгкой закуски и испив ядрёного квасу, дед с внуком поехали в обратный путь. В дороге долго обсуждали они услышанное, говорили о предстоящем возвращении в московские земли.

* * *

Настал день отъезда. Солнце уже перевалило на вторую половину лета. Однако дни стояли хорошие. Самая пора работная у землепашцев. Димитрий тоже волновался за домашних, о том, как они успевают управляться без него, хотя батюшка дома, посеми всё будет исполнено как надобно. Димитрий Петрович понимал, что бросить в летнее время хозяйство решится мало какой крестьянин, но зимой путь был рискованный. Посему, поразмыслив, кампания всё-таки началась летом.

К назначенному сроку поутру возле ограды усадьбы Фёдора Афанасьевича стоял обоз с десятков не более телег. Как оказалось, всего четыре семейства со всего общежительства решились на переезд. Готовый в дорогу обоз тронулся, провожаемый селянами и сородичами, сопровождался напутствиями старших, причетами оставшихся близких. Разрывались семейные узы, что всегда вселяло страх неизвестности: что там далее ждёт отъезжающих и остающихся? Свидятся ли они ещё когда-нибудь или нет? Кто ж его знает! Никому не ведомо, никто не ответит на этот вопрос.

К концу лета Димитрий Петрович с четырьмя семьями переселенцев возвратился в родное село.

* * *

За пару месяцев, успев до начала зимы, переселенцам мастерами общины были поставлены дома. Новые общинники обзавелись домашней скотиной, возделали, приготовив к зиме, выделенные земельные наделы. Прибывшие семьи значительно пополнили поморскую общину. Жизнь пошла своим чередом.

Так вот и случилось, что семья Тихона Савельевича Зыкова, разделившись на три ветви, многое сделала для сохранения старого благочестия и веры. Через десяток лет после известных событий, связанных с освоением русской земли, из-за Камня вернулись посланники новой поморской общины, осевшей и заложившей несколько новых сёл в далёкой Сибири, у подножия Алтайских гор. И вновь гружёные обозы из северной русской земли пошли за Камень, надеясь в далёкой Сибири уйти от царской власти и сохранить веру, живя по заведённому их предками укладу.

Патриаршина поддерживала связь с Выголексинским общежительством вплоть до его полного исчезновения в 1855 году, при государе Николае I.

Щит и вера

Моим прадедам посвящается

Шёл 1890 год. Выпал первый снег. Позади полевые работы, хлеб – в закромах, заготовлены корма для зимовки скота. Богаты и привольны сибирские деревни. Село Луговое, расположившееся на плодородных землях Алтая, было одним из таких. В Луговом хозяйства всё крепкие, дома добротные, а если уж встречалась завалюха, то, верно, пьяница жил. Но последних было мало. Луговчане – из староверов. Когда-то на берегу речки Луковки, небольшой, но по вёснам широко разливавшейся, питавшей прилегающие заливные луга, располагался раскольничий скит. Его обитатели, святые старцы, не только веру блюли, но и промышляли, приторговывали, чем могли. Луговое и поныне считают промысловым, купеческим селом. По осени свадьбы играют. Погудят мужики неделю-другую, а затем в город Барнаул, да малость подале, в Кривощёково, на ярмарки торговые обозы налаживают.

* * *

В доме у Самсона Зыкова и не поймёшь, к чему готовиться: то ли к свадьбе, то ли к проводам в солдатчину, – и то и другое обрушилось на семью. Зыковы – хозяева видные, землешцы. Сыновья подросли – делу подмога. Призывной набор нынче лёг на Луговое. Двоих новобранцев на бесконечную долгую службу царю и Отечеству собрать надо. Одного Зыковы должны отправить. Все думки передумал Самсон Дмитриевич, сколько ночей не спал, но всё-таки решил судьбу младшего – Григория.

– Матрёна, – обратился он к жене, которая суежилась с ухватом возле печи. – Гринька опять к Дарке Червонной умыкнул? Шалый-валяй парень растёт. Весь, дьявол, в деда. Тот тоже свой век только книги святые читал, старух забавлял да детишек грамоте учил, тем и жил. Если бы не тятенька, так всё нажитое спустил бы. И Гриньку сызмальства к этим забавам привадил, теперь и не лежит у него душа к хозяйству. Да и то правда, – больше размышляя с собой, чем ожидая ответа от жены, продолжал Самсон Дмитриевич, – нет, не будет из Гриньки хозяина. Вот братья его – Калина и Анисим – те всегда при деле. Да жёнок нашли путных. А этот и здесь отличился. Дарка-то, росиюха безродная, босячка. Матрёна, отвадила ты бы его от девки этой, позор на всю семью. Твой ведь любимец!

– Да уймись ты, Самсон, чего это ты всё бурчишь на Гришеньку? Хлопец добрый, работающий и сам не дурён. Дарка к себе любого не подпустит, не смотри, что голь. Многие не только луговские парни убиваются за ней. Зазря не хай девку. Что того, что безродная, у неё любая работа горит, – продолжала Матрёна. – Я б хотела такую сноху. Анисим вот засобирился жениться на Евдокии Зулиной, а у меня душа беспокойная. Живут как бары: работников полон двор! Ой, замахнулся... не пара. Так ведь и не придётся свадебку играть. Ой, сыночка ты мой, сыночка, – запричитала Матрёна надорванным голосом, почти шепча приговоры и не замечая слёз.

– Ну вот, опять завывла, баба-дура! – прервал Самсон. – Как бы не так, Гришка в солдаты пойдёт! Я уже в волость съездил, справки кой-какие изладил, конечно, дать пришлось, теперь всё уже сделано. Григорию послезавтра не 18 исполнится, а 21 годок. Подписал я ему три годка. Так что будем к свадьбе готовиться.

Говоря всё это, Самсон Дмитриевич смотрел куда-то в сторону своими стальными колющими глазами. Сколько годочков ему отстучало, пожалуй, и не определишь.

Матрёна, услышав такую весть, замерла, вскрикнула и помутневшим взором окинула хозяина. Тот, видимо, боясь «бабьего визга», как он говаривал, «слюней», продолжал:

– Всё, всё, этот вопрос решённый. Григорий – ломоть отрезанный. Ничего, что возрастом не подошёл, да он выше и здоровее Аниськи. Никто не подумает, что я их возрастом в справках поменял. Нелегко, конечно, шесть годов ляжку казённую тянуть, но ничего тут не попишешь. На сём закончим разговор.

Долго Матрёна Никитична лежала у образа, молила Господа за младшего сына.

* * *

Быстро стало смеркаться. Григорий спешил за село, там уговорились с Дашенькой Червонной встретиться.

«Вот ведь какая, – размышлял радостно Гринька, – сколько с вечёрок хотел проводить, всё не позволяла, а тут сама свиданку назначила. Ну что ты будешь с ней делать?»

Снег поскрипывал гулко в вечерней тишине. Вот и гумно... Она...

– Даша, Дашенька, здравствуй, ягодка! Как я рад, что позвала, что пришла уже. Я думал, приду раньше тебя, а ты и тут меня опередила.

Гринька от смущенья первого свиданья и радости не знал, что и говорить, душа у него то ли ликовала, то ли плакала, парила где-то. Он повернул к себе девушку, стоящую к нему спиной.

– Ты что, ягодка моя, плачешь? Кто смел обидеть тебя, горлица моя, или несчастье какое обрушилось?

И тут та, к которой он так стремился, обвила ему шею своими гибкими руками и громко, по-бабьи, застонала, а по лицу заструились жгучие ручейки.

– Ой, Гришенька, ты мой красавец, желанный, любимый мой. Горе-то какое, Господи! Как же я жить буду без тебя, сокол ты мой? Что же делать теперь мы с тобой будем? Да где же она, справедливость Господня? Я ведь весь век без тяти и без мамы в работницах у своего дядьки. А тут ты, радость моя, счастье моё, сокол мой ненаглядный! Руки на себя наложу, не вынесу разлуки!

Уткнувшись в Гринькино плечо, видимо, задохнувшись от морозного воздуха и своих причетов, она замолчала. Он несмелой рукой притянул её к себе, почувствовав гибкую девичью талию, и, поглаживая по голове из-за сбившейся шали, стал уговаривать Дашу:

– Что ты, Дарунь, что ж такое случилось со мной? Что ж ты меня оплакиваешь, как покойника? Первый раз мы тут с тобой от всех видимся, голубица моя, а ты так напричётываешь!

– Гринь, а ты что, неужели не знаешь? – со вздохом вырвалось у девушки.

– Про что знать-то я должен? – ничего не понимая, ответил Гринька.

– Как про что? – всхлипывая, но тихо-тихо, не шевелясь, продолжала Даша. – Что тятенька твой годов тебе подписал, вместо Анисима вашего в новобранцы пойдёшь.

– Да что ты, Дарунь, откуда ты это взяла? Горе у нас большое. Анисим жениться надумал, а тут рекрут пал на нашу семью. Тятенька с матушкой печалятся шибко. Анисим у нас мастеровой!

– Так я про что и говорю, – перебила Даша, – поэтому тятя твой и поменял ваши метрики. Теперь ты – средний, а он – младший сын в семье, стало быть, тебе и службину солдатскую нести.

– Ну что ты, птица моя, кто тебе это сказал? Какой недобрый человек? Не верю я этому! – растерялся Гриша.

– Дядька мой и сказал. На прошлой неделе, как пришли рекрутские сказки, тятя твой, Самсоний Дмитриевич, приходил к нему покалякать. Дяденька Самсон больно сокрушался, что черёд пал на вашего Анисима, а мой и посоветовал поменять ваши метрики. А сегодня и говорит, чтобы я тебя выкинула из головы, так как Самсон Зыков сделал по его совету в волости. Неужто батька тебе не сказывал?

– Да как же так? – словно опешил Гринька. – Как же любовь наша? Пойдём, Даруня, к тятеньке, кинемся в ноги, пусть благословит нас. Нет, не можно так делать! Правда, тятя всегда на меня ворчит, всё братьями поучает. Но чтобы так... Быть этого не может. Это дядька твой Фалей зла нам желает, вот и наговорил.

– Да нет же, Гринечка, правда всё это. Правда.

– Правда, говоришь? Пойдём к тятю, там всё и выясним, – потянул за руку Дарью Григорий.

– Нет, Гриня, нет, ненаглядный мой, не пойду я. Могу ли я, никто, лезть в вашу семью! Отец твой и так в мою сторону не глядит даже. Да и то, разве я тебе пара? Разумом понимаю, а сердцем не совладаю! Ты ведь совсем не такой, как наши парни! Я видела, как ты книги читаешь. Старики за них тебя уважают, за грамотность твою. Добрый ты, ласковый, душа моя и поборола разум. Гришенька, не судьба, видно. Вот и встретились, чтобы уж расстаться навсегда.

* * *

Как сквозь сон помнил Гриша клятвы ждать, молитвы деда и благословенье на службу отца, прощанье с матушкой и братьями. Гриша не винил отца за содеянное, и Анисим тут ни при чём. Но обида на тятю, что не сказал, не упредил, осталась. И боль, тоска: Дашенька, Дарунька, как же так, Господи, как же так?

Из Лугового в новобранцы попали Григорий Зыков и Степан Вёрстов. Даже на свадьбе у Анисима не побывал. Всё как в тумане. Очнулся уже далеко от родной стороны.

* * *

С полгода продержали новобранцев в Барнауле. Но Гринька так и не пришёл в себя. Всё как будто сон продолжался, смотрел на суету вокруг, на многочисленные казарменные нары, и всё как со стороны, вроде и не он это вовсе, сон, туман. Потом ехали долго-долго в душных солдатских теплушках куда-то на восток. Даже когда Степан ему объяснял про весточку домой, ничего не понял. Песни только, длинные, протяжные, словно без конца, слушал и слушал, только они ему говорили о той тоске, которая на него навалилась.

* * *

Отшумели в Луговом свадьбы. Зыковы тоже отыграли, отбражничали целую неделю. Всем свадьба была хороша. Все семьи Зыковых и Зулиных собрались, даже сваты из Барнаула пожаловали. А Зыковых-то много, только в Луговом кроме Самсона Дмитриевича семьи ещё семь больших семей братьев да племянников проживает, а ещё мысковские, гоноховские, тарадановские Зыковы... Нет большей родни ни у кого, как у Самсония Дмитриевича. Гордился он старым родом своим и чтил. Не стыдно было ни перед купеческими барнаульскими сватами, ни перед зулинскими сородичами. Славно всё сладилось у Анисима. Сначала гуляли у Самсона Дмитриевича, на третий день ушли к зулинскому двору, а в завершение у старшего сына, Калины Самсоновича, что особенно приятно было для него, гульнули. Что сказать, гордился, гордился он старшеньким.

Калина и впрямь всем удался: строен, голубоглаз, волос – смоль, в зыковскую породу пошёл, и хваткой тоже. Хозяин, одним словом, хозяин! И приданое Алёнино хорошо к делу пришлось. Построил дом на двух этажах, торговлю открыл, в барнаульской лавке дела торговые неплохо идут, внуков уже родил, два сыночка растут. Всё ладно, получается, есть что людям

показать. Хорошо. От этих мыслей Самсон Дмитриевич даже заулыбался сам себе. «У Анисима тоже хозяйство пойдёт, – продолжал он размышлять, – земельки поприбавилось, коровушек, лошадок тоже. Скотинки и землицы немало. Пойдёт и Аниська в гору. Ладные сынки. Гришка только вот незадача. Может, служба чему-нибудь научит. Дочери на подходе тоже, Анне – 16, Прасковее – 14 годков. Женихов присматривать надо. Большая семья – большие заботы. Фалея пришлось за дельный совет по Гриньке на свадьбу пригласить. А он чего удумал: племяншку свою, безродную Дарку привёл. Думал разжалобить меня девкой. Не будет того, а через шесть лет царёвой службы забудет и она Григория, да и он поостынет тоже. Всё к лучшему. С Дарьей запретил всем домашним даже словечком обмолвиться про Гришку». Так размышляя, Самсон Дмитриевич сидел в кошёвке, погоняя Рыжего, потихоньку трусил по направлению к Луговому из Гонохова, куда отвозил очередное письмо, написанное им Григорию. Уже легла зима, белая равнина чистого молодого снега радовала глаз, и первый морозец румянил щёки, словно сбрасывал годочков десять с крепкого не по годам седока. Вот и дымы показались...

* * *

Очнулся Гришка от крика, который разрезал и рассеял туман как-то вдруг и сразу.

– Выгружайсь! Выгружайсь!

Степан, словно маленького, схватил Григория за руку и потянул его к выходу, заботливо прихватив вещмешок вместе со своим. От крика и наступившего гама он и «проснулся».

Золотистое солнце полыхало жарой, зной, духота ещё больше, чем в вагонах. Это множество копошащихся людей, пытающихся построиться в ряды, сразу смирилось с начавшейся для них новой жизнью.

– Ребята, гляньте-ка, холмы какие! Всё холмы да холмы высокие, почти горы. Верно, край света, Господи!

– Не включай горючку, не пропадём! Авось царь-батюшка знает, чай, что делает, раз сюда попали!

– А вона фанзы ихние! Жалкие какие!

– Да и сами-то как карлики, маленькие да тощие!

– Начальство явилось! Полковник наш, топеряча отец наш! Добродушный вроде?

Солдатский гомон был прерван зычным голосом подъехавшего на лошади полковника.

– Здорово, молодцы! Рад, что царь наш батюшка Николай Александрович удостоил вас высокой чести и доверил служить нам здесь, в Китае! Россия-матушка всегда рассчитывает на ратников своих. Поможем и мы, ребяташки, матери нашей нести долг её. Послужим во славу Отечеству нашему и государю!

– Ура! Ура! Ура! Царю! России слава! – разлилось между холмами громким раскатом.

Полковник Лисовский Николай Гаврилович, провозглашая всё это, слегка гарцевал на своём рыжем жеребце. Ни у кого не было сомнения в том, что он для новобранцев истинный отец на долгие годы солдатской службы. Размещённый в Маньчжурии Восточно-Сибирский стрелковый полк русской армии обустроивался и обживался. Силами солдат выстроили казармы, конюшни, комендантскую и дом для офицеров. Обнесли всё камнем, и получился небольшой военный гарнизон. Григория, как и всех служилых, донимал вопрос: зачем они здесь? Темнело в гарнизонной местности рано. Первое время Гриша любил смотреть на ночное небо. Оно было чёрным, звёзды появлялись поздно, были крупными и яркими. Глядя на них, он мысленно разговаривал с Дашенькой, думая о том, что и она смотрит на эти далёкие огни в зимнем ночном небе снежной Сибири. После завершения строительных работ началась воинская служба. Надо сказать, что офицеры не сильно утомляли солдатшек. Строевая, огневая подготовка завершалась к полудню, а остальное время было предоставлено самим служилым. Приходилось дневалить в казарме, заниматься кухней, вот и всё. Гриньку, как грамот-

ного, приписали к штабу в писари. Да ещё солдатики его донимали своими письмами домой. Грамоте не многие обучены. Гринька ждал из дому писем. Тятенька писал исправно об урожае на полях, о братьях, о том, что у старшего Калины подрастают сыночки, о здоровье всех домашних, о Дашутке – ничего. Не простил, значит, тятенька мольбы его о благословении их с Дашенькой, не простил. Гриша понимал, что вестей от девушки не будет, ведь грамоте она не обучена, а писать некому. Это тянуло душу до боли, до изнеможения. Он просил Степана что-то узнать о Даше, но тот получил в ответ письмо из дому, где ни словом не обмолвились на просьбу Григория. Что тут было делать? Ноющая тоска, как заноза, непроходящей болью сидела глубоко в его душе.

Штабная служба была ещё спокойнее, чем полевая. Полковник Лисовский предпочитал военное дело сидению в штабе. Утром он уж был в войсках, проверял учения. Николай Гаврилович любил чёткий строевой шаг, громкую военную команду и точную стрельбу. Этому он уделял почти всё время. Штабные же перекладывали с места на место то небольшое количество бумаг, которые по спецпочте шли из Барнаула, Москвы и Петербурга. Появившись во второй половине дня, полковник проводил с офицерами совещание, послушав донесения о прошедших учениях, потом брался за почту, диктовал несколько ответов и распоряжений по службе. Гринькин непосредственный начальник – подполковник Оленин, человек по натуре вовсе не военный, был начальником штаба, имел двух адъютантов и двух писарей, в число которых входил Григорий. Год прошёл в спокойной, размеренной службе. А там ещё и ещё...

* * *

Григорий с большим интересом взялся за изучение китайского языка. Времени было достаточно, Алексей Петрович Оленин, как человек высокообразованный, знавший и сам немало языков, только приветствовал Гринькино начинание. Солдату разрешили бывать в ближайшем китайском чжэне (селе), где он нашёл юркого торговца, согласившегося давать уроки письма и разговорника. Григорий дальше Барнаула и Новониколаевска нигде не бывал. Он с любопытством наблюдал чужеземную жизнь. Народец китайский жил бедно. В глиняных фанзах, кроме очага, коврика да ящика для домашней утвари, ничего не было. Детишек, как правило, в семьях было много, были они раздеты, разуты, почти голы. Гриша с интересом смотрел на китайский быт. Женщины были невысокими, сухонькими, с маленькими, как у ребёнка, ножками, всегда угодливо согнутыми в поклоне. С пропитанием у них было сложно, особенно в зимнее время. Однажды, когда Григорий пришёл на очередной урок к Сияньке (Синь-янь), так он звал своего учителя, зазвучали громко барабаны и крик вещателя грозно взывал обрывистым возгласом о чём-то. Сиянька быстро закрыл тетрадь с иероглифами, надел на босы ноги деревянные обутки и заспешил на улицу. Гриньке пришлось идти за ним, так как оставаться без хозяина в жилище у китайцев было не принято. Впервые Гриша увидел китайский скорый суд. В центре селения был небольшой холм. Как понял юноша, это был холм «правосудия». Какого-то маленького человечка, глубоко напуганного и несчастного, в сопровождении конвоя завели на холм, зачитали приговор, забили барабаны, несчастному положили голову на специальный каменный куб и отрубили её. Гринька, ещё не знавший языка и не понимавший, что происходит, просто остоленел от страха. Голова несчастной жертвы подкатилась к самым его ногам. Уже мёртвые глаза быстро-быстро продолжали моргать и вроде бы растерянно смотрели на Гришу. Все низко опустили головы, Гриша это сделал тоже, и пришлось ему видеть этот трагический и ужасный конец. Поморгав, как казалось Григорию, довольно долго, хотя на самом деле это был миг, вывалив язык, голова застыла. Это зрелище долго потом мучило юношу.

Так Григорий познакомился с китайским правосудием. Смертью карались почти все проступки: кражи, прелюбодеяния, обманы, побегі жён от своих мужей. За ложь отнимали языки, выкалывали глаза, отрубали руки. Азиатский суд был страшен. Поэтому проступки соверша-

лись редко. Китайский народ был трудолюбив, незлобив, послушен, особые почести отдавались зажиточным купцам, чиновникам и другому вельможному люду, который нечасто наезжал сюда. Григорий с удивлением смотрел, как жён состоятельных китайцев, ярко одетых в шелка, в небольших тканевых домиках носили на специальных лёгких носилках слуги. Признаком женской красоты считалась маленькая, словно детская, ножка. Поэтому в состоятельных семьях девочкам надевали на ноги деревянные колодки, чтобы нога не росла. Став взрослыми, они не могли нормально ходить, поэтому их носили в нарядных паланкинах.

Григорий со временем привык к китайской скромной кухне, есть хранящиеся в горячем песке яйца, к острым приправам, которые делали невозможным почувствовать несвежесть пищи. Особенно ему нравилась чайная церемония. Это был целый ритуал, который мог продолжаться несколько часов, в зависимости от гостя и темы разговора с ним. Со своими языковыми способностями Гриша быстро научился китайскому и японскому иероглифу и устному языку. Сначала в совершенно непонятном иероглифе заключалось целое повествование, в основе же этого письменного знака лежало изображение человека со всеми частями тела: туловищем, руками и ножками и даже ступнями. Шло время, приближался срок завершения службы, а о Даше так ничего и не было известно.

* * *

В спокойной размеренной службе Григория постепенно что-то менялось. Это стало витать в воздухе. В штаб поступало намного больше депеш из России, а также китайских, японских, английских, германских и всяких других иностранных писем. Знание китайского и японского письма для Григория стало даже очень уместным. Его перевели полностью на переписку с китайскими и японскими властями, европейскую почту вёл сам Алексей Петрович Оленин, а прочие писари, коих стало втрое больше, вели переписку с Генштабом. Полковник Лисовский на совещаниях с офицерами всё чаще стал нервничать, разгорались целые споры. Много говорили об интересах Российской империи и государя, о притязаниях Японии и европейских стран. Непокойно стало среди местного населения. Сиянька, у которого Гриша давно уже не брал уроков, всегда приветливый и улыбчивый, стал избегать встреч. Раньше они любили посидеть за чайной церемонией и поговорить про жизнь, теперь он быстро удалялся, как только Григорий навещался в чжэнь (село). Торговцы стали злы, продавали товар плохо. Правда, в этом особой нужды не было. Полк был на русском довольствии, которое шло исправно. Напряжение нарастало. Полковник Лисовский на утреннем построении полка объявил о запрете выхода за пределы гарнизона всему составу старших и младших чинов до особого распоряжения.

В полку произошёл случай, который закончился благополучно, но мог бы и не иметь такого конца. Одного солдатика при посещении китайской лавки продавец-китаец обвинил в обмане. Зная дикие азиатские меры наказания, весь полк замер в ожидании страшной расправы. Николаю Гавриловичу пришлось приложить немало усилий, чтобы солдатика передали в полк. Гринька был толмачом на переговорах, всё видел и наблюдал сам. Перед его глазами не раз вставала картина моргающей головы, и от этого становилось жутковато. Вот после этого и был наложен запрет.

* * *

В Кантонской провинции, где размещался полк Григория, начиналось строительство железной дороги. Приехало много инженеров, финансистов и других чиновников. Земляные работы полностью выполнялись китайцами. За мизерную плату и нищенский паёк они, словно муравьи в большом муравейнике, делали свою работу, которая продвигалась довольно скоро.

Привезли шпалы и рельсы, началась укладка железнодорожного полотна. Полк же обязан был нести охранную службу. Заботы у солдатшек добавилось, служба стала настоящей, заполнявшей целый день, спокойная жизнь закончилась. В штабе тоже работы поприбавилось.

Так началось строительство Китайско-Восточной железной дороги, которая должна была соединить Владивосток с арендованным у китайцев Порт-Артуром на Ляодунском полуострове. Сначала местное население всё устраивало: условия и оплата труда. Сиянька тоже подался на работы. Но быстро настроение стало меняться. Из послушных и дисциплинированных в труде китайцы стали вести себя агрессивно. Были случаи нападения их на солдат, охранявших строящийся объект, невыхода на работу, были даже случаи со смертельным исходом для сторожевых. Однако полковник Лисовский издал распоряжение о том, чтобы солдаты и офицеры не поддавались на провокации, держали нейтралитет, местное население не обижали. Солдат стали расставлять на посты по несколько человек. Степан рассказывал Грише, как опасно стало нести службу часовым в ночное время. Китайцы ночными вылазками несколько раз пытались взорвать только что уложенные линии железной дороги. В полку стали распространяться слухи о готовящейся войне с Японией, которая претендовала на часть китайской территории. Для укрепления русской позиции в Маньчжурии и строилась железная дорога.

Национальное унижение за фактически поработённый европейцами народ вызвало среди населения Китая волну протеста со всей азиатской силой стремления к справедливости, ненависти ко всему иностранному, в том числе к технологическим нововведениям, которые принесли западные державы. Иностранцы считались воплощением злых духов, которые разрушали души китайцев. Началось народное восстание ихэтуаней (ихэтуаней). Отряды справедливости и гармонии ихэтуаней возникли по всему Китаю. При тайной поддержке императорской династии ихэтуаня стали нападать на иностранные миссии, русские представительства и гарнизоны. Под угрозой стало продолжение строительства железной дороги.

* * *

Политическая ситуация в Китае нарастала не в пользу России, которая могла потерять своё влияние и проиграть конкуренцию европейским союзникам и Японии за превосходство в Китае. Русская дипломатия вела многоходовую игру со своими бывшими союзниками, манипулируя разногласиями, которые периодически проявлялись между ними. С учётом сложившейся напряжённой ситуации демобилизация в расквартированных в Китае войсках была отменена государевым указом.

* * *

Кантонский полк Сибирской Восточной стрелковой дивизии встретил эту новость с трепетанием в сердцах. Сопереживали служилым и офицеры полка. Николай Гаврилович Лисовский выстроил весь полк на плацу и огласил государев указ. Нависла напряжённая тишина. Каждый понимал, что война неизбежна, что рубежи России и интересы государя надо защищать. Однако далёкий дом был уже таким близким и желанным, что горький комок подступил у многих к горлу.

– Ну что же вы, ребята! Неужто не послужим ещё Отечеству и государю нашему! Русский солдат всегда стоял на защите рубежей России-матушки, поработённых народов и веры православной! Трудно вам! Да ведь солдатская служба лёгкой не бывает! Ведь так, ребяташки? Сынки мои, послужим же матушке-России! Ура! России православной и царю-батюшке Николаю Александровичу! Ура!

И вновь, как тогда, когда они впервые новобранцами ступили на эту чужую землю, громким раскатом грянуло:

– Ура государю! Государству Российскому! Ура отцу нашему полковнику Лисовскому!
– Благодарю за службу! – громко возгласил полковник.

Комок в горле откатился куда-то глубже, и дышать стало легче.

Полковник Лисовский со слезами на глазах, которых даже вовсе не стыдился, с любовью и гордостью смотрел на свой полк. Чувство большой любви к русскому народу, воспитавшему такого солдата, заполнило его душу. Да, такого солдата никому не победить!

* * *

Новость о продлении Григорию и Степану солдатской службы докатилась и до Лугового... «Что ж делать, видно, на роду написана Григорию судьбина солдатская, – грустно размышлял Самсон Дмитриевич. Как Матрёне-то это всё сказать? И так молится за него каждый день».

Известие об отмене демобилизации пришло в село зимой 1897 года.

– Семь лет минуло, как Гришу забрали новобранцем в армию. Семь долгих лет. Каким стал младший сын? В письмах пишет о спокойной службе, а оно вона как? Дарья-то что же, ведь и впрямь извелась девка вся. Фалей сказывал, что руки на себя наложить хотела, да он вовремя домой вернулся. Отписать, что ли, Гришке об ней? Ведь ни строчки за эти годы о девушке сказано в письмах не было. Напишу, что ждёт, – продолжал рассуждать Самсоний Дмитриевич.

Долго молилась Матрёна Никитична на образа, обливалась жгучими слезами по младшему, Гришеньке. Каким стал её самый красивый, статный, голубоглазый сыночек? Ведь сколько годочков уж прошло! У Калины подрастают детки, Анну замуж выдали, да и Прасковья не сегодня завтра замуж пойдёт. Один Гришенька обездоленный! Сколько же ещё годочков службу эту тянуть, никто об этом не сказывает.

* * *

Гришин полк оставался на прежних позициях. Однако офицеры говорили, что на территорию Китая введены ещё войска Сибирской дивизии и казачьи полки. Работы остановились. Китайцы все разбежались, и в селении остались только женщины и дети. Пришёл приказ: работы продолжать своими силами. Строительство дороги, которое было остановлено, продолжилось вновь. К работам привлекались не только солдаты, но и штабные. Вся железная дорога была поделена на отрядные участки. Непосредственно вдоль линии устанавливались посты пехоты по двадцать человек в каждом. У постов были поставлены вышки для наблюдения и «веха» – высокий столб, обмотанный просмоленной соломой. Во время тревоги или нападения солдаты поджигали, что служило сигналом для соседних постов. Производилось непрерывное патрулирование от поста к посту. Нападения хунхузов на посты охраны первоначально происходили часто, но каждое из них влекло за собой беспощадное преследование и расправу. Уважение к охранной страже и страх перед ней хунхузам был с годами привит крепко. Не обошлось без жертв и со стороны русских. Шли известия о подавлении китайского восстания ихэтуаней силами европейских стран с участием русской армии под руководством адмирала Евгения Ивановича Алексеева, которая действовала успешно. В прилегающие к строительству чжэны (сёла) вернулось население. Пошли карательные экспедиции по всему Китаю. Русские войска в этом не участвовали. Но и до Кантонского сяна (волости) дошли кровавые потоки азиатской расправы над повстанцами.

Однажды ранним утром зазвучали громко барабаны, которые извещали о проведении суда-расправы над провинившимися. Все знали эту дробь. Полковником было принято решение о невмешательстве в происходящее. Однако ничего не получилось. В штаб полка при-

была целая делегация из иностранцев и китайцев. Знатным китайским чиновником было вручено предписание русским военным гарнизонам, в котором говорилось, что отсутствие на суде над преступниками-ихэтуанями рассматривается как нарушение договора о совместных военных действиях между всеми союзниками. Ничего не оставалось делать, пришлось весь полк вывести на место массовой казни «боксёров» (так называли европейцы ихэтуаней). Перед солдатским строем сгрудилось несколько десятков несчастных повстанцев. На всех на них были надеты колодки, которые делали мучительным каждое движение жертвы. Колодки изощрённо сковывали шею, ноги, тело, некоторые объединяли несколько человек. Около тридцати страдалцев были закованы в стоячем положении и вовсе не могли двигаться, их тянули на телеге колодники. Все они были выведены на холм «правосудия». Палачи выстроились рядом со своими жертвами. Загремела дробь, и действие началось. Гриша увидел среди приговорённых Сияньку. Их глаза встретились. Сиянька даже пытался кивнуть ему головой. Григорий, не отрывая глаз, смотрел на бывшего своего учителя. Грянула дробь. В одно мгновение все жертвы оказались обезглавленными. Груды голов с открытыми глазами выложили в центре холма «правосудия», а обезображенные тела разложили вокруг холма. Это страшное, варварское зрелище должно было напоминать о содеянном и устрашать бунтарей. Русский солдат научен воевать, но не убивать безоружных, поэтому такая страшная расправа невольно вызывала сочувствие к китайцам.

Завершившаяся к 1901 году война и подавление бунта ихэтуаней окончательно разыграли карту Китая среди участников военных действий. Иностранные миссии получили разрешение на содержание постоянных войск при полном вооружении. России доставалась Маньчжурия, где стояли русские гарнизоны. Участникам этих событий были вручены учреждённые государем медали «За подвиг в Китае. 1900–1901 годы». Такими медалями были награждены и Григорий со Степаном.

* * *

Вести о войне в Китае поздно и крайне скудно приходили в российскую глубинку. Гриша писал письма домой регулярно, но связь с Россией с началом войны прервалась, работала только штабная почта. Григорий это знал, но всё равно писал. Из дому также писем не приходило. Да и все однополчане находились в таком же положении. Каждый солдат понимал, как волнуются за них дома. Но война есть война.

В Луговом ничего не знали о Григории и Степане. В домах повис траур. Семьи жили в неизвестности с 1898 года, а уже шёл 1902 год. Воюют, и всё. Самсон Дмитриевич так и не подал весточку сыну о Даше.

Девушка жила по-прежнему у своего дядьки. На все его уговоры выйти замуж она отвечала отказом. Все ровесницы уже стали матерями. К ней всё реже и реже засылали сватов. Старый Фалей смирился с судьбой своей племянницы. Так шли дни, месяцы, годы... Даша уже и не знала, ждать ей Гришу или сгинул он где-то в чужой Китайской земле. Так и не получила она от него никакой весточки. Не верила, что забыл её Гриня, всё ждала и ждала чего-то. Со временем дядя стал к ней снисходительней, можно даже сказать, что старый Фалей любил свою племянницу, признал её за родню. Сыновья его жили отдельными семьями, а старый отец остался в доме с племянницей. Приученная к работе Даша чисто содержала дом, старика, небольшое домашнее хозяйство. Так и жили.

* * *

Старел и Самсон Дмитриевич. Часто на него накатывало чувство вины за судьбу Григория. Каждый раз, раздумывая о своём решении по сыну, он так и не мог себе ответить на

вопрос: правильно ли он поступил? Если бы всё случилось, как должно быть! Сын был бы уже дома шесть лет назад. Прошло уже двенадцать лет службы его в армии, а конца и не видно. А тут ещё несколько лет нет вестей от него. Жена вся почернела, да и у самого сердце не на месте. Пробовал писать в штаб Сибирской стрелковой дивизии, где служил сын, но получал ответ: «Идут военные действия. Сообщения нет».

У Калины сыновья уже ходят в женихах, подрастают дочери. Живёт сытно, имеет две выездные тройки. Всё при нём. Семья крепкая, работающая. Уважают его на селе. Да и у Анисима всё хорошо сложилось. Торгует мясом, шерстью, маслом, зерном. Хозяйство большое, держит двадцать работников, мельница своя механическая. Семья разрослась. Анна замуж вышла, детей растит с мужем. Тоже вроде бы всё ладно. Прасковью вот никак сосватать не получается. Может, и не пришло ещё время, хотя девка перестарок уже. Из шумного многолюдного дома гнездо Самсона Дмитриевича опустело. Живёт с Матрёной и дочерью. Деда Матвея и тятю Самсоний схоронил в один год. Сильно тужил старик по Григорию. Велел все книги да иконы ему передать, как только он возвращается со службы. Общину староверов возглавил Самсон Дмитриевич. Случилось это неожиданно для него. Община была старообрядческая, беспоповская, включала немалое число семей. Настоятелем и старостой избирался самый уважаемый и грамотный член общины из наиболее старейшего рода. Исстари повелось, что кто-то из Зыковых всегда был главой общины беспоповцев и службу проводил. Луговое разрасталось. Село превратилось в большое торгово-промышленное поселение. Насчитывалось около двух тысяч крестьянских дворов, два молебных дома, российская православная церковь. Селяне помимо земледелия занимались ремёслами, ткачеством, торговали. Зыковские земли обрабатывал Самсон Дмитриевич вместе со своим средним сыном. По традиции они должны отойти младшему, с которым и доживают свой век старики. Однако самому это делать уже было не по силам. Старшой тоже помогал. Хозяйство было благополучным, по-прежнему кормило теперь небольшую семью Самсона Дмитриевича. Общинный сельский сход решил поставить старообрядческую церковь. Большое число старообрядцев-федосеевцев проживало в селе, в строительстве храма должен был принять участие каждый крестьянский двор. В какой храм ходить и как Богу молиться, это уже воля каждого селянина, а воздвигали церкви всем миром. На том и ладили. Этим вопросом и занимался Самсоний. Церковь была в волостном селе Гонохово, но общинники решили строить свою в Луговом. Деньги выделило собрание немалые. Теперь ума всему делу надо было дать. С уездными властями всё оговорено, подряд оформлен, должны за лето поставить обитель. А при церкви через год школу решили открыть, грамотёшки маловато среди селян. Жизнь идёт, одна весна сменяет другую, и всё острее сказывалась тоска по младшему сыну.

* * *

Военные действия завершились, но дипломатическая война за господство в Китае продолжалась. Всё в большей степени основным претендентом на китайские и корейские земли становилась Япония, которая использовала каждый дипломатический казус в своих интересах. Позиции Российской империи ослабевали. Через европейскую дипломатию Японии удалось навязать договор о выводе Россией войск из Китая до 1902 года. Но русское командование не спешило это делать, пользуясь правом охранять строящуюся Китайско-Восточную железную дорогу. Служба была напряжённая. Всё дышало новой войной. В своих письмах, которые по-прежнему писал Гриша, он сообщал: «Мы каждый день ждём, что наш полк выведут в Россию, так значилось в переписных бумагах с китайскими властями». Но командование медлило. Офицеры винили за нерешительность генерала Алексея Николаевича Куропаткина. Японские миссии стали часто посещать Кантонский гарнизон русских. Они всегда выказывали своё неудовольствие по любому вопросу, провоцировали на конфликт. Из ставки главноко-

мандующего, из Петербурга приходили противоречивые решения: то держать нейтралитет и не поддаваться на провокации, то активизировать военную подготовку и дать решительный дипломатический отпор японской стороне.

* * *

Самым главным событием для гарнизона стала возобновлённая переписка с Родиной. С 1902 года пошли письма в Россию. Из писем, которые продолжал писать Гриша, домой дошли несколько, причём написанные в разные годы. Как они не пропали и почему именно они, в этом разобраться невозможно. Однажды, в очередной поездке в волостное Гонохово по церковным делам, Самсону Дмитриевичу сказали, что на почте лежит письмо от его сына. Старик быстро развернул кошёвку, хлестнул Рыжего со всей мочи, на что тот заводил удивлёнными глазами, и метнулся к почте, что была далековато от волостной конторы. Рыжий от возмущения подал голос.

– Прости, прости, старый ты мой товарищ, поспешать надо, – дрожащим от волнения голосом ответил коню Самсоний, – поехали, поехали, друг любезный ты мой!

То ли плакала душа его в эту минуту, то ли радовалась, и не поймёшь. Подбородок дрожал, а по щекам текли слёзы. «Хорошо, что старуха не видит», – подумал он. Как только зашёл на почту, ещё у двери ему вручили три письма от Григория. Письма были изрядно истрёпанными, покружились они, видно, немало по белу свету. Отправлены были в разные годы, а последнее писано в 1901 году, с того времени минуло больше года. Но и эта весть облегчила душу. Нашёлся Гришка, нашёлся, воюет, чертяка, жив! Бурлило всё внутри. Забыв о делах, Самсон Дмитриевич заспешил домой.

К вечеру собралась вся семья, сидели затемно. Матрёна Никитична даже слегла от нервного возбуждения и волнения. Утром Самсон Дмитриевич обратился к жене:

– Матрёна, ты бы сходила, что ли, в дом Фалея Силантьева, Дарье сказать надобно про Григория, – виноватым голосом произнёс он.

– Да что ты, не знаешь, что ли, что пропала Дарьюшка, пропала! – запрочитала та.

– Как пропала? Когда? Да ты толком расскажи! – растерялся он.

– Уж три месяца прошло! Как Фалей Силантьевич умер, так его старшой сын и забрал избу, сына своего туда поселил. Ведь Фалей не оставил никаких распоряжений насчёт дома, вот и пришлось Дарьюшке подаваться куда-нибудь. Говорят, в Новониколаевск пошла. А так кто его знает? Гришеньке что сказывать будем, как свернётся со службы?

Такой новости никак не ожидал Самсоний. И опять внутри его завозился ком безутешного раскаяния, что такой судьбой наградил он сына, не благословил тогда, давно бы Дарья жила у них заместо дочери. Ох, виноват, виноват перед Григорием со всех сторон.

Новостью о Гришиных письмах поделились и с семьёй Степана Вёрстова. Гриша подробно излагал про свою штабную службу и про Степанову тоже. Поплакали и Вёрстовы о своём сынке.

* * *

Обстановка оставалась напряжённой. Всё дышало приближающейся войной с Японией. Строительство железной дороги продолжалось, но темпы значительно замедлились. Китайцы торговались, часто не выходили на работу, да и нанять их было нелегко. В полку с особым усердием шла боевая подготовка, будто каждый должен быть готов, взяв оружие, пойти в бой в любую минуту. Офицеры сказывали, что укрепляют боеспособность Порт-Артура, завозят провиант, боеприпасы. Главное, надо успеть с дорогой, которая уже начала функционировать, но незначительно, строительство ещё не было завершено на всех участках. Японцы часто наез-

жали на стройку и забрасывали ультиматумами насчёт не выведенных за пределы Китая российских войск. Как вывести, стройка и так подавалась нелегко?

Григорий весь переговорный клубок уже выучил наизусть. Приедут япошки, проедутся вдоль дороги, всё просмотрят, потом – в штаб с очередным протестом. Якобы под предлогом охраны дороги размещается не охранная служба, а регулярные войска. Следом приезжали китайцы, говорили, что охрану дороги возьмут на себя, что войска русских должны быть выведены согласно договору немедленно. Так завершился 1902 год.

* * *

В начале января 1903 года, утром, как всегда, пожаловали японцы и китайцы, но было их много, сопровождали делегации войска, чего раньше никогда не было, численностью не меньше полка. Патрульная служба об этом донесла в штаб. Однако японцы открыли огонь, вероломно вторгнувшись на территорию русского гарнизона. Японцы вели прицельный огонь по всем охраняемым, патрульным постам и по штабу.

– Война! Это война! К оружию! – неслись крики со всех сторон.

Было совершенно непонятно, что происходит. Почему японцы стреляют? Японцам удалось быстро отделить штаб и дом офицеров от солдатских казарм, которые остались без командиров. Конечно, русский гарнизон размещался иначе, в отличие от маршевого похода армии, и это усугубило и без того проигрышную ситуацию. Однако ежедневные учения взяли своё, и без всякой команды солдаты полка открыли огонь и вступили в бой с японцами. Несколько десятков русских солдат были убиты. Мужественно действовали и офицеры вместе со своим командиром. Но внезапное мощное нападение на русский гарнизон достигло своей цели. Сопротивление было сломлено, солдаты разоружены. Бой продолжался больше суток.

После завершения боя всех раненых и оставшихся в живых солдат и офицеров выстроили на плацу. Полковника Лисовского не было. Японский офицер – видимо, старший по званию – через переводчика сообщил, что русские нарушили договор о выводе войск из Китая, этим они вынудили китайские власти обратиться в японскую миссию для оказания помощи в разгроме русских оккупантов, захвативших незаконно территорию Китая; что с этого момента русские солдаты как военнопленные передаются китайской стороне, а охрана строящейся железной дороги будет обеспечена китайской властью.

Так для Григория начался плен. Их разделили на небольшие группы и в сопровождении японских солдат стали увозить по железной дороге в разные стороны. Боль, стыд за беспомощность, за происходящее, непонимание того, почему так всё произошло, бередило душу. Больше Гриша никогда не видел своих однополчан, никогда не узнал он об их судьбе, но всю свою долгую жизнь он помнил их лица, их имена, помнил тех, с кем пришлось служить в чужой земле целых двенадцать лет. Такого не забудешь.

* * *

Это был не просто плен. Тридцать человек, среди которых был Гриша, продали в рабство китайскому помещику, выращивавшему рис в долине реки Хуанхэ (Жёлтая река), который, алчно торгуясь на привокзальной площадке в Пекине, приобрёл дешёвых, сильных русских рабов. Китайцы-надсмотрщики заковали купленных рабов в колодки, соединив их цепью, и в таком жалком виде погнали в поместье хозяина. Движение продолжалось несколько дней.

Когда чиновник торговался с помещиком, Степана, который был вместе с Григорием, чуть не продали мандарину (чиновнику). Гриша вмешался в торг и сказал своему покупателю, что Степан – мастеровой и может выполнять много работ. Покупатель и продавец удивились

знанию китайского языка русским солдатом, что побудило чиновника назначить за него более высокую плату. Но Григорий и Степан остались вместе.

Больше русские рабы никогда не видели своего хозяина, но и его надсмотрщиков было достаточно. Всех их поселили в сарай, это даже жилищем назвать было нельзя, скорее большой шалаш. Колодки снимались только на период работы. Климат здесь был другой. Высокая влажность от реки, серые туманные смоги, изнуряющий гнус и работа от рассвета до ночи ослабляли пленников. Светало рано, часов в пять всех рабов уже выгоняли на реку, на которой они находились около восемнадцати часов непрерывных работ. Кормили один раз по завершении дня. Кроме русских было много китайских рабов, их продавали, чтобы прокормить остальных членов семьи. В виде пищи давалась баланда с рисовой водой и небольшой кусок рисового хлеба. Урожай риса снимался четыре раза за год. Садился он почти в воду. Человек во время посадки стоял по щиколотку в мутной илистой воде, строились специальные каналы, через которые вода поступала на поля. Так весь год и стояли в илистой грязи. Китайцы, с ранних лет привыкшие к лишениям и способные довольствоваться скудной пищей, сносили всё молча. Русские же солдаты изнемогали от палящего солнца, задыхались от душной влаги, страдали от гнуса и голода. Свиристествовали эпидемии, особенно косила людей лихорадка. Сначала заболело несколько человек. Затем эпидемия приобрела массовый характер. Китайцы называли эту болезнь жёлтой лихорадкой, боялись её и считали смертельной. Как только появились заболевшие, они стали кричать и жалобно просить увести русских в другое место. Надсмотрщики, конечно, кроме как избивать их кнутами, больше ничего не сделали. Китайцы сбились в одной стороне и просили русских не переходить свою часть сарая.

Григорий и Степан не раз Богу помолились о том, что они вместе. Стёпа был сильнее Гриши и во многом ему помогал. Непродолжительной ночью они говорили о доме, и все пленные, часто вспоминая своего полковника, которого никто с момента боя не видел, решили, что погиб их храбрый командир. Вспоминали всех, гадали о том, где они могут быть, сердечные... От лихорадки в течение месяца умерли двенадцать человек. Даже похоронить их не пришлось. Утром на телеге вывезли их тела, одному Господу ведомо, где они обрели своё погребение. Ещё пятерых куда-то увели через несколько дней, говорили, что помещик их продал. Осталось совсем немного русских солдат. Силы покидали пленников. Стали думать, как бежать из плена. Помнили про варварский суд, но и так тоже неминуемая гибель ждала.

Решили бежать в Корею, которая считалась нейтральной страной, в порт Чемульпо, где стояли иностранные и русские суда. Ситуация там могла за время конфликта измениться, но выбирать не приходилось. Что происходило на Китайско-Восточной железной дороге, шла ли война, где русская армия, пленники ни о чём не знали. Попав в плен, они надеялись, что про них не забудут, что их вызволят из неволи, но прошли долгие месяцы, а никаких изменений в их положении не происходило.

Однажды во время работ Степан, как бы качнувшись, толкнул надзирателя, и тот вырвал из рук ключ от колодок, он долго шарил по дну реки, но илистая няша «засосала», и найти его не удалось. Гриша это заметил. Продолжая обрабатывать всходы риса, он подошёл к месту, где был обронён ключ, быстро стал обшаривать дно, и безрезультатно. Но куда было спрятать найденный ключ? Встав на поле, как будто решил повысить закатать штанину, чтобы не замочить её в воде, Гриша закрутил в штанину ключ и завязал узелком. Целый день он со страхом и волнением смотрел на ногу, боялся, что узелок развяжется и ключ будет обнаружен. Но всё прошло удачно. По завершении работы стражнику привезли другой ключ, колодки были надеты, и колодники пошли на ночлег.

– Ну что, братцы, – сказал Василий, один из пленных, – надо бы нам помолиться, чтобы повезло.

Он быстро перекрестился и стал открывать ключом колодку. Все тоже перекрестились.

– О, ребята, – обратился Фёдор к Григорию и Степану, – да вы из староверов, что ли? Креститесь-то не по-русски? Вот не замечал!

– Ну и дальше не замечай, какая разница, Бог-то, Он один для всех, а кто как крестится, не всё ли равно, – быстро ответил Василий, – главное – бежать, бежать...

* * *

В Луговом радость вновь сменилась неизвестностью. После врученных Самсону Дмитриевичу писем сына пришли ещё два, датированных 1902 годом, а потом опять не стало известий. Вновь Самсоний сделал запрос в дивизию, на что был получен ответ: «Ваш сын Зыков Григорий Самсонович пропал без вести в январе 1903 года». Вскоре пришло подобное известие и в семью Вёрстовых о Степане. И всё началось сначала: ожидание известия, душевные страдания, молитвы жены. Одно отвлекало как-то – строительство церкви, которое завершалось, вопрос о школе тоже решился положительно. У сынов всё было хорошо, сам, правда, сдал маленько через Гришку. Но силушка есть ещё, есть! А о Дарье ничего слышно не было, как в воду канула.

* * *

Убежать далеко не удалось. Китайцы, как только русские скрылись в подкопе из сарая, сразу застучали и закричали, призывая стражу. Они знали, что за побег бывает, знали, что бывает и с теми, кто укрывает беглецов. Спасая свои жизни, они вопили и звали стражников, с появлением которых обнаружилось бегство русских. Их поймали через пять часов преследования. Последовало жестокое наказание беглецов. Каждый был приговорён к 30 ударам палками. Пленники ожидали, что им отрубят головы, но помещик не хотел терять столь добротную рабочую силу, и приговор оказался мягче. Однако этим наказанием не закончилось. Солдат разъединили по 3–4 человека, на прежнем месте остались Григорий, Степан, Фёдор и ещё один солдатик, который не мог оправиться после побоев и был очень слаб. Каждую группу отконвоировали в разные стороны, больше Григорий их не видел. Или пленных продали, или перевели на другие работы, никто не знал. На прощанье они успели крепко обняться. Ослабевший пленник, его звали Иваном, усердно молился, просил милости и спасения у Бога. Но силы его покидали, однажды утром он не смог подняться на работу, а к вечеру его уже не было в сарае. Осталось их трое. Самым крепким оказался Степан. Казалось, ни болезни, ни голод, ни каторжный труд и постоянные побои надсмотрщиков его не одолеют, коренастое, широкоплечее и мускулистое тело выносило всё. Пленников посадили в земляную яму в человеческий рост, чтобы можно было стоять. Сверху положили решётку, а когда шёл дождь, то накрывали яму крышкой. Так продолжалось их заточение.

Мысль о побеге пленных не покидала. Степан, размышляя, предложил уйти вплавь по реке, когда надсмотрщики снимут колодки.

– Ведь у стражи нет огнестрельного оружия, только плети. Вряд ли они бросятся за нами в воду, тогда остальные рабы могут разбежаться, – рассуждал Степан.

– Нет, ребята, у меня не получится так, – печально возразил Фёдор. – Я не умею плавать. Бегите без меня. План и правда хороший.

– Как же мы тебя бросим? Как жить-то потом будем? И так от полка ничего не осталось, столько лет вместе! Нет, так не пойдёт! Надо что-то другое придумать, – уверенным голосом возразил Степан.

И они думали... Понимали, что осуществить побег по суше сложно.

На следующий день на работах они увидели измученного, избитого однополчанина. Оказалось, его после неудачного побега, вернул прежнему хозяину новый помещик. Солдат поде-

лился новостью, которая досталась ему неизвестным образом. Оказалось, что он пытался бежать в Чемульпо, там стоят русские корабли «Варяг» и «Кореец». Медлить было нельзя, корабли должны покинуть бухту и уйти в Порт-Артур. Это известие заставило ускоренно готовиться к новому побегу. Решили всё-таки уйти по реке, проплыть какое-то расстояние вплавь, поочерёдно помогая Фёдору, а потом взять на берегу лодку, которых довольно много лежало вдоль реки. Выбора не было.

Когда их пригнали на рисовые плантации и сняли колодки, они втроём бросились в реку, ноги вязли, проваливались в илистую почву, глубина прибывала не за счёт воды, а за счёт грязи. Охранники закричали и беспомощно забегали по берегу. Оружие им не выдавалось, так как помещик боялся, что они погубят дешёвых рабов, достать беглецов было невозможно. Те же быстро удалялись, достигнув глубины и течения реки, Степан подхватил Фёдора, и они поплыли. Гриша не помнил, сколько они плыли. Но вот показалась лодка. Он повернул к ней. В лодке сидел рыбак-китаец, которого Григорий выбросил в воду и погрёб вёслами к пловцам. Всё получилось. Теперь надо набирать ход и искать место для высадки. Продолжать путь по реке казалось опасным. Высадившись через некоторое время на берег, они упали на землю и тут только поняли, что побег удался. Дальше надо идти, и путь предстоял немалый. Обветшавшие серые одежды не смущали. Китайская беднота также ходила в отрепьях. Гриша знал язык, и это многое упрощало.

* * *

Пленники шли уже четыре дня, останавливаясь ненадолго перевести дыхание. Несколько раз Гриша заходил в одинокие китайские фанзы, где просил немного воды и что-нибудь из еды. Делали это с осторожностью, выбирая окраины или вовсе жилища пастухов. Чаще всего испуганные китайцы делились скудной едой. Беглецы вышли к морю. Измученные и уставшие, они решили взять на берегу рыбацкую лодку и дальше вновь идти водой. В бухту так просто не зайдёшь, с моря будет это сделать проще. Лодок на берегу было довольно много, увидев наиболее прочную и дождавшись ночи, беглецы отчалили от берега. Приближаясь к бухте, слышали гром корабельных орудий.

Обогнув выступавший берег, они увидели, что русские корабли вышли из бухты в море, японская эскадра расстреливала их почти прямым прицелом. Крейсер горел, взрывы орудийных залпов поднимали водяные фонтаны, вода, казалось, кипела. Небольшая канонерка быстро шла на дно. Всё было кончено. Моряки на небольших лодках пытались проскользнуть через японские корабли, многие плыли сами. В воде оказалось большое количество людей. По шлюпкам и пловцам продолжала вести огонь корабельная артиллерия японцев. В этот кипящий котёл и попали беглецы.

Японская эскадра 27 января 1904 года обстреляла вышедшие в море из бухты Чемульпо русские корабли. Началась Русско-японская война. Несмотря на неравенство сил, крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец» приняли бой. В какое-то мгновение взрывом снаряда, который лёг совсем рядом, лодку беглецов отбросило, и все трое оказались в воде. Степан с Григорием тщетно пытались найти Фёдора.

Множество людей, пытающихся спастись среди непрекращающегося обстрела, барахтались, зывали к помощи и надеялись на спасение. Между тем несколько иностранных кораблей пришло на помощь тонущим морякам. Григорий и Степан оказались на французском эсминце. Французские, итальянские и английские суда, подобравшие моряков, высадили их на корейский берег. Спасенные моряки расположились под открытым небом. Стоял январь, ночами температура опускалась до минусовых значений, днём солнце давало возможность немного согреться. Десятки раненых простуженных людей ждали помощи. Корейские власти были не в состоянии её оказать.

Ослабленные пленом, испытанием побега, Григорий и Степан были среди этой массы людей. Степана от переохлаждения трясло как в лихорадке, к ночи начался жар. Медицинской помощи ожидать было неоткуда. Тяжелораненых матросов разместили в госпитале Красного Креста, все остальные оставались под открытым небом. Варяжцы (матросы с крейсера «Варяг») делились друг с другом всем, чем могли.

– А вы, ребята, как здесь оказались? – спросил морячок, сидевший у костра, обращаясь к Грише. – Ишь, сердечный, дружок-то твой как мучается хворью.

– Мы из стрелкового полка Сибирской Восточной дивизии. Несли охранную службу в Маньчжурии на строящейся железной дороге, – глядя в огонь костра, ответил Григорий.

– Что-то и не слыхал про такую, – продолжал флотский.

– Как не знаешь? Так эта дорога в Порт-Артур, по ней весь провиант и боеприпасы везут. Вот, стало быть, вы откуда! – со знанием дела прокомментировал слова Гриши ещё один матросик. – Держись нас. Мы с Василием с крейсера «Варяг», и тут много нас таких.

– А меня звать Николаем, – продолжил другой собеседник, слышал я, что война началась с Японией. Тяжко сейчас нашим в Порт-Артуре. Вот туда бы как-то добраться!

– Как доберёшься? Ждать и остаётся только. Государь наш не забудет про нас. Ждать, ребята, ждать надо.

От этих слов Грише стало горько. Его надежда, затем последующее разочарование, что Родина и государь помнят про русских солдат в Маньчжурии, была им уже пережита. И опять ждать, опять надеяться? Смутный протест, обида за своих однополчан, сомнение в преданности генеральных штабистов русскому народу и государю всё больше и больше оседала в его сознании. «Нет, без предательства здесь не обошлось!» – всё чаще думал Григорий.

Небольшую помощь русским морякам оказывали матросы с иностранных кораблей. Предположение о начале войны с Японией подтвердилось. Нахождение в корейской бухте Чемульпо русских моряков становилось невозможным. Сколько времени прошло с момента морского сражения, уже и не помнишь. Одна мысль не отпускала Григория – только бы не умереть! Сколько ж радости и ликования было, когда пришло решение о возвращении на Родину! Здесь, на этой чужбине, нашли своё вечное пристанище несколько десятков человек.

Русское правительство обратилось в иностранные миссии с просьбой о вывозе моряков иностранными судами до ближайших нейтральных морских портов. Несколькими группами по 200–300 человек были загружены на итальянские, английские, французские суда. Григорий со Степаном, который был ещё слаб и болезнь не ушла из него, попали вместе со знакомыми моряками на французский пароход «Кримэ».

Французы хоть кормили один раз в день, но хорошо. А потом в течение дня давали чай. У Григория к общей ослабленности организма добавилась морская болезнь. Гришу, не знавшего моря, мучило. Казалось, что весь мир переворачивался в мозгу. Он совершенно не мог находиться в трюме. Степану стало хуже, он часто бредил, звал матушку, ещё кого-то. Французский врач давал порошки, но от них легче не становилось. Смерть забрала уже не один десяток русских моряков. Гриша увидел, как нашли они своё последнее пристанище. Обёрнутые в белые ткани тела под барабанную дробь опускали в морскую пучину, которая быстро поглощала их. Огромные волны как бы говорили: «Отдай! Отдай! Это моё!» Шторм сопровождал корабли почти весь путь. Даже бывалые моряки недомогали. На шестой день пути Стёпа умер.

Гриша плакал.

– Как же так, Господи, брат ты мой, ведь уж теперь непременно на родную землю ступим! Где же справедливость, Господи!

Он рыдал над телом друга, земляка, верного товарища. Никто даже не стал прерывать его рыдания. Впервые в жизни Гриша так плакал, слёз своих не стеснялся. Утром вместе с другими умершими тело Степана Вёрстова опустили в пучину бушующего моря. Вот где упокоилась душа русского солдата!

В начале апреля 1904 года французский корабль зашёл в воды России, где их встретил российский пароход «Святой Николай». Взяв на свой борт русских моряков, он пошёл в Одессу. Здесь, на пароходе «Святой Николай», был отслужен молебен в честь героев живых и павших. Почерневший и исхудавший до неузнаваемости, Григорий плакал. Перед его глазами стояли лица однополчан, Степана, полковника Лисовского Николая Гавриловича. Он страстно молился за них, таких дорогих друзей, с кем делил и горе, и радость. Где же вы теперь? Всех варяжцев привели в должный вид и накормили. Начал свою работу царский сыск. Жандармы по одному вызывали каждого моряка, прибывшего на иностранном судне. Не миновала эта участь и Григория.

Когда его завели в каюту капитана, где и трудились сыскари, Григорий увидел довольно молодого, с небольшими усикам человека в гражданском костюме. Он вежливо предложил ему сесть, с мягкой улыбкой представился: «Николай Петрович».

– Любезный, – начал он, – наш император Николай Александрович высоко оценил героизм и мужество русских моряков. Но поймите, идёт война, вы доставлены на иностранном судне из страны, далеко не мирной для России. Возможно, среди пассажиров есть и иностранные шпионы! Разговор наш должен остаться в тайне, после завершения нашей беседы, любезный, вы подпишете расписку о неразглашении. Беседа наша должна быть откровенной и искренней. Поверьте, кроме благодарности за вашу службу, вас ничего другого не ожидает, – так начал свою беседу полковник жандармерии Николай Петрович Белов.

И Григорий всё ему рассказал без утайки, со слезами, периодически вскрикивая и закрывая глаза. Ему впервые представилась возможность передать всё, что выпало на его долю. Когда закончил своё повествование, лицо было мокрым от слёз. Николай Петрович не перебивал. Он не без удивления и не без сочувствия слушал этого солдата.

– Ну что же, любезный, спасибо за откровение, – продолжил он диалог, как только Гриша остановился. – Да, нелёгкие испытания выпали на твою долю, нелёгкие... Прямо, что и делать с тобой, не знаю. – Он действительно задумался, наклонив голову вперёд, сняв перчатки и положив свою изысканную трость на рядом стоящий стул.

– Поступим так, любезный, – тоном, который свидетельствовал о принятом решении, обратился он к собеседнику. – Вы никогда и ни при каких обстоятельствах никому не расскажете то, что сейчас изложили мне. Прошу верить моему слову. Если вы нарушите мой совет, вас ждёт тюрьма, а может, ещё хуже – расстрел.

Григорий от этих слов чуть не задохнулся.

– Как же так? За что? Расстрел! Тюрьма! – закричал он. – Вы что, с ума сошли? Да как вы смеете? Мои товарищи, может, все погибли за государя, за веру, за Россию! Может, в плену их извели, страдальцев!

– Прошу громко не выражаться, – спокойно перебил его полковник. – Это в ваших же интересах, и прошу подумать о моих словах, при этом времени у вас, любезный, вовсе нет. Мы должны с вами договориться тотчас! – довольно резко оборвал он Григория.

Полковник Николай Петрович Белов порывисто и страстно заговорил:

– Поймите, Григорий Самсонович, вы – единственный с такой историей. Я вам верю. Но знайте, вас обвинят в предательстве! Понимаете, это результат бездарности наших горе-полководцев! Мы сейчас проигрываем войну! Столько жертв! И ваше повествование – это ещё один факт, подтверждающий мои выводы. Кто захочет это признать? Кто захочет это взять на себя? Никто! Им проще вас, любезный, обвинить во лжи и назвать предателем! Как ни горько это осознавать, но это так! Может быть, за дверями нас подслушивают, прошу слушать меня молча, не возражайте мне. Я вас, Григорий Самсонович, вписываю в число варяжцев, мы найдём двоих-троих известных основному составу моряков людей, которые это подтвердят. Я возьму всё на себя. И с этой минуты вы, любезный, моряк родом из Сибири и служили первый год на «Варяге». Вас оденут в морскую форму, и вы нигде и никому ни при каких обстоятель-

ствах в процессе всей жизни не расскажете об этом. Домашним тоже ничего не объясняйте: подобрал корабль, поэтому форма морская.

Григорий всё это слушал и с трудом понимал услышанное.

– С вами будет встречаться государь Николай Александрович, не вздумайте даже намёк подать на свою действительную историю. Я вам скажу, что государь доверчив, от него многое скрывают, скрыли и историю вашего полка. Если бы этого не произошло, плена бы не было. Вы станете свидетелем триумфальной встречи государем моряков-героев. Он высоко ценит службу Отечеству нашему. И то, что вы получите как моряк, вы по праву заслужили как солдат! – перейдя на спокойный и повелевающий тон, завершил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.